АРНОЛЬД ЭПШТЕЙН

ФУТБОЛ НА ЛИНИИ ОГНЯ

Издательство СамВен

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

..Я очень рискую показаться нескромным, но похоже, книжка, которую вы только что открыли — первая в своем роде на нашей одной шестой части суши. Спортивная журналистика не слишком-то чутко откликается на происходящие вокруг перемены. Если об экономических проблемах того же футбола мы говорим довольно много, то от политики стараемся быть как можно дальше. Отделываемся разве что статьями, похоже, по большей части "заказными", ратующими либо за проведение самостоятельных чемпионатов той или иной республики, либо за сохранение прежних устоев. Да еще подбрасываем что-нибудь о безобразиях во время матчей — как правило, состоявшихся в южных городах, причем в роли рассказчика чаще всего выступает кто-то из проигравших там земляков.

И вот я, спортивный обозреватель самарской молодежной газеты, взялся за книгу. В последнее время я побывал во многих так называемых "горячих точках". Прифронтовой район Азербайджана, взволнованная столица Чечено-Ингушетии, загроможденная баррикадами Рига… Пестрая панорама происходящих здесь событий, конечно, станет достоянием историков. Но у меня были спортивные командировки. И на этих страницах речь пойдет всего лишь об одной грани нашей жизни.

- Арнольд Эпштейн
  - От автора
  - Пароль — «футбол». А отзыв? (Август 1990)
    - Вступление
    - 1. Самая настоящая война
    - 2. Не дай нам бог такую жизнь…
    - 3. Глас вопиющего в пустыне?
    - 4. Враги? Соперники? Друзья?
  - Самое легкое — поиск врагов (Август 1991)
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
  - В созвездии здравого смысла (Ноябрь 1991)
  - «Я чувствовал себя Колумбом…» (Декабрь 1991)
    - Вступление
    - 1. Хозяин
    - 2. Коррида длиною в жизнь
    - 3. За полчаса до грозы

- Другая жизнь майора Базавода (Январь 1992)
- У прибалтов — собственная гордость (Февраль 1992)
- Поджигателей не судят… Но караван идет! (Февраль 1992)

Арнольд Эпштейн
ФУТБОЛ НА ЛИНИИ ОГНЯ

От автора

Я понял, что напишу эту книгу, 12 октября 1991 года. В 18.57 по Москве. В ту самую минуту, когда увидел на экране своего «Рубина» переполненную чашу Лужников перед началом памятного матча с итальянцами.

Согласитесь, это была почти фантастическая картина — вконец перессорившиеся граждане дышащего на ладан государства вдруг на целый вечер превратились в полных единомышленников. Наверное, такое могло произойти только в одном месте — на стадионе…

Вот об этом и книга — футбол и политические страсти, футбол и межнациональные распри. «И»? А может быть, «или»?

…Я очень рискую показаться нескромным, но похоже, книжка, которую вы только что открыли — первая в своем роде на нашей одной шестой части суши. Спортивная журналистика не слишком-то чутко откликается на происходящие вокруг перемены. Если об экономических проблемах того же футбола мы говорим довольно много, то от политики стараемся быть как можно дальше. Отделываемся разве что статьями, похоже, по большей части «заказными», ратующими либо за проведение самостоятельных чемпионатов той или иной республики, либо за сохранение прежних устоев. Да еще подбрасываем что-нибудь о безобразиях во время матчей — как правило, состоявшихся в южных городах, причем в роли рассказчика чаще всего выступает кто-то из проигравших там земляков.

Возможно, от нас трудно требовать большего. Уютный островок спортивной журналистики долгое время находился все-таки немного на отшибе. Получая возможность общаться со звездами, сопровождать их на соревнования, мы волей-неволей становимся частицей того вакуума, который окружает спортсменов на протяжении всего сезона, сегодня почти «безразмерного». Тоже привыкаем считать самым главным только сборы, тренировки, победы, поражения, а ко всему остальному относиться, как к чему-то сопутствующему, второстепенному.

Нередко нас не понимают. И упрекают в легковесности. Возможно, и заслуженно. Ведь время заставляет выбираться с «обжитой территории», а это ох как нелегко…

И вот я, спортивный обозреватель самарской молодежной газеты, взялся за совсем другую книгу. В последнее время я побывал во многих так называемых «горячих точках». Прифронтовой район Азербайджана, взволнованная столица Чечено-Ингушетии, загроможденная баррикадами Рига… Пестрая

панорама происходящих здесь событий, конечно, станет достоянием историков. Но у меня были спортивные командировки. И на этих страницах речь пойдет всего лишь об одной грани нашей жизни.

Собственно говоря, фактуру, как теперь оказалось, для книги, я начал накапливать задолго до 12 октября. А пошло все вообще с… названия. Весной девяностого, когда стало известно, что футболистам «Крыльев Советов» предстоит поездка в Азербайджан, я почему-то был уверен, что расскажу о ней именно под таким заголовком. «Футбол на линии огня» — это и сами матчи в прифронтовой полосе, и испытание на прочность, если хотите, на «живучесть», нашей любимой игры.

Одни главы были написаны специально для этой книги, другие уже увидели свет в «Волжском комсомольце» — это были отдельные, независимые друг от друга материалы, но на одну тему. Наверное, «газетного» в них все же больше, чем «книжного». Я не стремился «изменить» своей основной профессии, да и претендовать сейчас на какую-то обстоятельность, завершенность просто наивно — настолько «динамичное», как любил говаривать бывший Президент бывшего Союза, нынче время. С каким воодушевлением, например, работали мы в «Комсомольце» в тревожные августовские дни 91-го — искали самые бескомпромиссные темы, готовились даже выпускать не еженедельник, а листовки. Но, 24-го, после выхода «ВК» в свет, увидели плоды своего недельного труда, и немного огорчились: опоздали, жизнь уже ушла вперед… Если газеты устаревают еще в типографии, то на что может претендовать книга?!.

И тем не менее я надеюсь, что вы прочтете ее с интересом.

Пароль — «футбол». А отзыв? (Август 1990)

Вступление

Нет-нет, в нас не стреляли. Сугубо мирному самарскому десанту не приходилось спасаться от погони, никого из куйбышевцев не брали в заложники — повода для тревог за себя просто не было.

Но цинковый гроб в аэропорту Гянджи мы видели. И с людьми, знающими о войне не только по рассказам ветеранов и кинофильмам, общались.

Так что — честное слово! — после той поездки наша пусть и убогая, но мирная самарская жизнь воспринимается совсем по-иному. И ругаем мы ее, и наверняка костерить будем еще долго, но…

1. Самая настоящая война

Готовые на все тбилисские таксисты привычно атаковали только что простившихся с Аэрофлотом пассажиров.

— Отец, в Казах поедем? — в шутку бросил кто-то из наших пожилому грузину.

— Ты что, дорогой, там же бой идет! — «Отец», всплеснув руками, прямо-таки отпрыгнул в сторону. — Ни за какие деньги не поеду, знаешь!

Да, как ни странно, как ни дико это звучит, но в ста километрах от шумного и веселого Тбилиси шел самый настоящий бой. Армянские военные формирования сверху вниз прямой наводкой расстреливали «вражескую» территорию, не собиралась, разумеется, оставаться в долгу и другая сторона.

Кое-что мы видели буквально за пару часов до отлета в программе «Время». Конечно, это не добавило оптимизма ни игрокам, ни руководителям команды. Ехать, не ехать?.. В полночь кое-как дозвонились до секретаря Казахского райкома. «Приезжайте, все нормально будет», — заверил он. Что ж, хотя кошки на душе и скребли, полетели. В отличие, кстати, от саратовцев, которые должны были играть здесь в те же дни, — «Сокол» дал «задний ход» прямо от трапа самолета…

Автобус из Казаха приехал за нами примерно с сорокаминутным опозданием. Пыльный, тряский — одно слово, фронтовой. Поехали!

И вот слева мелькнул белоснежный Рустави — последний город последней «нейтральной» закавказской республики. Еще пара десятков километров по холмам отнюдь не выглядевшей печальной Грузии, и — граница. Старинный Красный мост через Куру всегда был мостом дружбы. На сей же раз на азербайджанском берегу нас встречает патруль.

«Футбол» и «Крылья Советов» — пароль безотказный. Автобус пропускают без досмотра, и водитель, оказавшись на родной земле, с места берет совсем иную, чем в Грузии, скорость.

Вот он, Казах. Не то большая деревня, не то маленький городок. Одно слово — райцентр. Двухэтажная гостиница, универмаг, еще несколько более-менее солидных зданий, а остальное — «частный сектор». Рядом с домами, которые даже на мой профанский взгляд «тянут» на сумму, которую мне вряд ли доведется держать в руках, ютятся куда более скромные строения — под стать самарским, не богаче.

На улицах, несмотря на довольно раннее утро, оживленно. Как рассказал чуть позже врач-массажист команды «Гоязан»,

многие мужчины, и он в том числе, всю ночь провели в оцеплении — защищали город от ожидавшихся, но так и не появившихся визитеров с гор. А стрельба и взрывы были слышны в Казахе буквально за час до нашего приезда.

Чуть ли не каждая вторая встречная машина — военная. «Уазики», грузовики, бронетранспортеры… На стадионе расквартирована часть, вдоль забора медленно расхаживает часовой. «Игры не будет», — тут же сообщили нам никого не удивившую новость. Кто-то из ребят попросил разрешения хотя бы сходить посмотреть «поляну».

— Нельзя! — отказ был вежливым, но категоричным.

— Да вы что, мужики, разве мы к вам с оружием ломимся? — недоумевали футболисты, привыкшие, что уж их-то всегда и везде встречают как самых желанных гостей.

— Эх, ребята, да ведь все так говорят, — с грустью ответил парень, стоящий по ту сторону забора. — А потом…

Что здесь, на линии огня, бывает «потом», вмиг посерьезневшие футболисты уточнять не стали…

2. Не дай нам бог такую жизнь…

Да, в прифронтовой полосе совсем другая жизнь. Иные ценности и цены, совсем другие законы и обычаи… То, от чего у нас, чужаков, перехватывало дыхание, в повидавшем всякое Казахе воспринимается спокойно. Добродушный и заботливый местный водитель по дороге из Тбилиси между делом рассказывал о происходящем так, словно речь шла о чем-то несерьезном, будничном.

— Нет, правда, в Казахе жить можно. Стреляют, конечно, но в городе совсем безопасно. А потом в Гянджу поедете, да? Ну, там вообще мир. Правда, недавно автобус с «жигуленком» на мине подорвались, много, знаешь, людей погибло. Но в остальном совсем спокойно все, волноваться совсем не надо, слушай…

Здесь люди давно уже привыкли воевать. А значит, привыкли ненавидеть. Три года — достаточный срок, чтобы огрубеть, приучиться ко всему. За такое время легко забыть о том, какая же это ценность — человеческая жизнь.

Наверное, не стоит пересказывать все то, что довелось услышать в Казахе. И не только потому, что это слишком страшно. Зачем делиться с вами той ненавистью, которая не знает границ в этих краях? Находясь за тысячи километров отсюда, даже трудно себе представить, насколько далеко зашел этот, как мы с привычной обтекаемостью говорим, конфликт…

Чужому никогда не разобраться, на чьей стороне правда. Да сегодня вообще самое последнее дело — сравнивать две гигантские чаши этих нелепых весов — слишком много крови на каждой. Разве их хоть когда-нибудь выравняешь, добавляя все новые жертвы? Страшные слова сказал мне в Гяндже один старик: «Запомни: пока на этой земле есть хоть один армянин и один азербайджанец, мира не будет».

Неужели же это правда?!

Да, сейчас уже не вернуть то время, когда здесь раздался первый выстрел. Сегодня эмоции властвуют безраздельно. Местные газеты буквально пересыпаны упреками в адрес столичных журналистов, «необъективно освещающих события». Только за те дни, что мы были здесь, «досталось» «проармянски настроенным» «Известиям», «Московским новостям», «Труду», лично Игорю Фесуненко…

А сами? Своими ушами я слышал комментарий по телевидению: «Нам десятилетиями внушали: Азербайджан — равная республика среди равных. Это — иллюзия. Нас окружают не только более развитые в экономическом отношении

республики, но и республики, имеющие агрессивные намерения».

Люди верят «своим» газетам. А что в результате?

Распадаются смешанные браки. Раздражение вызывает любое упоминание о самом существовании армян. И даже футболисты-армяне, игроки российских команд, остаются во время поездок их клубов в Азербайджан дома. «Армяне среди вас есть?» — этот вопрос был задан нам в тбилисском аэропорту сразу же после приветствия…

Обстановка настолько взрывоопасна, что искра может вспыхнуть в любое время, в любом месте.

— А что было бы, если бы мы все же сыграли с вами? — спросил я у администратора «Гоязана».

— Вам ничего не было бы. Люди могли бы со стадиона туда пойти, — он кивнул в сторону гор. Да и те с вертолетов ударить могут — народу знаешь сколько пришло бы?..

Впервые в жизни я не огорчился тому, что придется обойтись без футбола…

3. Глас вопиющего в пустыне?

Вражда и ненависть всегда идут рука об руку. Но начинается все — с недоверия.

В наше накаленное самыми разными конфликтами время любая трещинка недоверия легко превращается в пропасть серьезного раздора. Веселый и безобидный кожаный мяч тоже нередко становится детонатором взрыва. Но, может, футбол в состоянии и сейчас сближать людей, а не делать их врагами?

Убежден: «Крылья Советов» и «Сокол» вполне могли играть с «Кяпазом» в Гяндже, как это и предусматривал календарь. Казах — особая статья, а там, в ста километрах от границы, для отмены матча не было никаких оснований. Но большой город, который прямо-таки болен футболом, лишили любимого зрелища — лишили несправедливо, второпях, не посоветовавшись. Лишили в то время, когда в Баку «Нефтчи» за милую душу играл свой очередной матч с «Локомотивом».

— У них там в Москве что, карта на стене не висит? — негодовали футболисты «Кяпаза». — Трудно разобраться, где Казах, а где Гянджа, да?

Увы, жизнь подбрасывает все новые и новые примеры откровенно предвзятого отношения к азербайджанским командам. А значит, все больше трещин появляется в нашем футболе. В нашей жизни.

Посудите сами. В перерыве между первым и вторым кругом турнира состоялось совещание тренеров команд мастеров буферной зоны. А специалистов из двух команд Азербайджана не пригласили, причем объяснение нашли вполне «логичное»: оказывается, это российский сбор. Но в Гяндже убеждены: там договаривались, как не «пустить» в первую лигу их «Кяпаз», каким образом распределить места между «своими».

А насколько предвзято относятся порой к южанам газетчики! Валерий Мельников, еще совсем недавно игравший в «Кяпазе», а сейчас надевший форму «Крыльев», рассказал историю, которая просто потрясла его бывших одноклубников.

— Приезжаем в Калугу, а там в местной газете статья, будто мы — сплошь экстремисты, в домашних матчах перед этим буквально «убили» гостей из Ижевска. Чего уж там, в нашем футболе всякое случается, в Гяндже в том числе. Но в этом конкретном случае ничего подобного и в помине не было… Между тренировками зашел в калужскую редакцию, попытался разобраться. Оказалось, автор всю эту «чернуху» просто с потолка взял — выловил где-то самую обычную сплетню. Обещали дать

опровержение…

Увы, мы продолжаем лепить образ врага. Возьмите хотя бы разговоры о судействе «на югах». Действительно, в Казахе болельщики рассказывали, как их любимый «Гоязан» одолел калужскую «Зарю» — последний пенальти был забит хозяевами чуть ли не на сотой минуте игры. Но, положа руку на сердце: разве в Самаре мы не становились свидетелями подобного «арбитража»? Да, одной команде (запамятовал, какой) пьяные «поклонники» «Гоязана» разбили видеокамеру. Но ведь и автобус «Крыльев Советов» был разгромлен в прошлом году — только не в Ланчхути и не в Абовяне, а в тихой и уютной Рязани.

Безобразий в нашем футболе столько, что просто грешно с невинными глазами кивать на «более подлого» соседа.

Те же самые слова можно сказать и о положении дел во всей нашей стране. Ведь в спорте все, как в жизни.

И если мы еще собираемся хоть что-то изменить к лучшему, нам надо заново учиться доверять друг другу.

Когда возле гостиницы в Гяндже игроков «Крылышек» Гауса и Цыганкова облепила ватага черноглазых горластых пацанов-дошколят, Виктор и Саша без труда нашли с ними общий язык. Не увидели же в этих шабутных, еле лопочущих по-русски созданиях будущих «головорезов», «костоломов», «торгашей»! В ту минуту я подумал: да если бы взрослые относились друг к другу так же, как они относятся к детям — дружелюбно и чуть снисходительно — ну ни за что не превратилась бы армяно-азербайджанская граница в полигон для испытания оружия всех видов!

И спорт — верю — может стать союзником людей, стремящихся к миру. Не должна «линия огня» проходить по изумрудным футбольным полям.

4. Враги? Соперники? Друзья?

Осенью восемьдесят шестого «Крылья» нанесли «Кяпазу» прямо-таки страшное для гордых кавказцев поражение. После того, как волжане неожиданно для всех преградили сопернику путь в первую лигу, двое кировабадцев решились на самоубийство. А «хозяева» команды и футболисты вели «разбор» неудачной игры аж до пяти часов утра…

Однако новая встреча не вылилась в сведение счетов. Собственно говоря, хозяева могли позлорадствовать над нами, вовсе не прилагая особых усилий к «отмщению». Гости и так оказались в аховом положении: понадеявшись на самолет, который пообещали прислать шефы, выехали из гостиницы и только в аэропорту убедились, насколько опрометчиво поступили — вопрос об организации спецрейса в Гянджу решался еще целых три дня. Устроиться по второму разу в гостиницу — дело почти безнадежное, ночевать под открытым небом неохота даже на юге… Спасибо хозяевам — потеснились, дали приют на своей тренировочной базе. Люди, знающие футбольную жизнь, подтвердят: это — едва ли не высшая степень гостеприимства. Хотя рискну предположить: слоняющиеся из угла в угол, уставшие от ожидания, неприкаянные «Крылья» всем тут изрядно надоели…

После возвращения домой устал от телефонных звонков.

— Ну как, приехал? И живой?! — Друзья и знакомые, не сговариваясь, задавали один и тот же вопрос. Терпеливо объяснял: да, в общем-то, «там» относились к нам нормально, даже неплохо. Отстреливаться и окапываться не приходилось.

И ловил себя на мысли, что нелепость самого возникновения этого вопроса никого уже не удивляет. Вроде как бы и отменили привычное: «Братские союзные республики».

Но, может, наступит все же время, когда такой вопрос вновь станет неуместным? Вот бы…

Самое легкое — поиск врагов (Август 1991)

1

— Ну что, Арно, дорогой, напишешь про наших боевиков, да? — администратор команды «Лори» похлопал меня на прощанье по плечу. — Видел, как у нас страшно, да?

Мы рассмеялись. Потому что на самом-то деле для тревог за свою безопасность у меня не было ну никаких оснований. Да, на границе с Азербайджаном и в Карабахе все тянется и тянется эта абсолютно не понятная чужакам война, но зловещие сообщения покойной программы «Время» про «армянских боевиков, терроризирующих население своих же городов и сел», мягко говоря, не подтвердились.

Похоже, «армянские боевики» — это все равно что «загнивающий империализм». Такой же нехитрый приемчик, основанный на том, что советскому человеку всегда полагается видеть перед собой врага — лучше настоящего, но, на худой конец, можно и придуманного. Только, вот в данном случае трюк этот далеко не так безобиден — если империализм благополучно гнил себе, невзирая на заклинания безымянных авторов правдинских передовиц, то «ложь местного значения» порой способна усугубить неприятности. В том числе и в спорте.

Взять хотя бы недавний скандал на ереванском стадионе «Раздан», когда болельщики провожали гостей из ЦСКА камнями и тумаками. И здесь первопричиной инцидента была ложь. В прошлом сезоне армейцы потерпели в Ереване унизительное для «несокрушимой и легендарной» поражение со счетом 0:4. А на страницах популярной спортивной газеты появилось такое объяснение этого конфуза за подписью Павла Садырина: мол, боевики помешали его питомцам нормально подготовиться к матчу…

Вряд ли эту «пенку» дал такой авторитетный и известный к тому же своей порядочностью специалист как Садырин — скорее всего, такая версия приглянулась кому-то из журналистов. Но в любом случае гражданам из министерства обороны та статья понравилась больше, чем ереванским болельщикам…

2

…Зато другое опасение оказалось не напрасным. «Крылья» отправились в Армению, всегда такую хлебосольную и гостеприимную, со своей тушенкой и баклажанной икрой — и не зря. Даже мы, привычно проклинающие дороговизну, и то постоянно пожимали плечами. Стакан газировки в аэропорту — рубль, кассета яиц — «пятнарик», а если назвать цену одного килограмма масла, вы можете просто не поверить (Напомню: дело было в августе 91-го, и тогда это казалось безумно дорого… — авт.)…

В ереванский аэропорт «Звартноц» за нами приехал из Кировакана старенький «пазик». В Самаре такие «маршрутки» за полчаса душу выматывают, а тут предстояло путешествие по горному серпантину… Хозяева долго извинялись:

— Не думайте, мужики, что нам для вас «Икаруса» жалко, просто бензина, слушай, ну совсем нет. Пятьдесят — шестьдесят рублей канистра стоит, да и то по пятнадцать литров наливают. А в горах знаешь сколько его машина жрет…

В Армении разрешена свободная торговля: плати 120 рублей в казну ежедневно — и «толкай» что хочешь по какой угодно цене. Пока, впрочем, дело сводится в основном к перепродаже «Мальборо», «Адидаса» да… соков липецкого производства — совсем недавно мы уничтожали его по полтора рубля за упаковку, а за Кавказским хребтом цена выросла аж до восьми.

Правда, в кироваканской газете я вычитал, что свободная торговля помогла накормить город по приемлемым ценам. Например, удалось обменять местный коньяк на полтавскую тушенку, и в Армении она стоила даже дешевле, чем на Украине.

Да вот только другой вопрос — можно ли верить нашим газетам?

В основном здесь пишут о политике. 21 сентября в Армении состоится референдум, который определит, быть ли республике в составе СССР (Как известно, почти 100 % населения Армении проголосовало за независимость — авт.). Так вот, будущая самостоятельная жизнь разрисовывается, похоже, в слишком розовых тонах. Да и в большинстве других материалов свежий взгляд без труда выхватит Предвзятость.

А вот о спорте вообще и о футболе в частности почти ничего нет.

— Не до этого сейчас, — признался ереванский коллега. — «Арарат» взялся было выпускать футбольную газету — никто не покупал, бросили делать. По телевизору раньше тоже больше игр

показывали.

Даже на матчи «Арарата» народу собирается — кот наплакал…

А в Кировакане хозяин покосившегося лотка с громким названием «Театральная касса», торговавший семечками, сигаретами и билетами на футбол (ну что вы хотите, здесь так принято), грустно развел руками:

— Обидно, слушай — раньше столько народу у нас на футбол ходило, даже машины разыгрывали. А после всех этих дел… Эх, да что говорить, сам увидишь…

До землетрясения в Кировакане собирались построить двухъярусный стадион тысяч на 35–40. А на игре «Лори» с «Крыльями» было от силы две сотни болельщиков.

3

Когда в начале второго тайма гости открыли счет и диктор назвал автора гола, с трибуны раздалось: «Миридонов, маладэц!» Да, не сбылось и еще одно опасение — о «буйстве» и «агрессивности» местных болельщиков не было и речи. «Крылья» уверенно выиграли, но не чувствовали никакой враждебности со стороны «обиженных». Самарцам пожимали руки, поздравляли с победой и даже обещанную сауну не отменили.

А в перерыве этого матча произошел забавный, но заставляющий о многом задуматься эпизод. К видеооператору «Крыльев Советов» Николаю Бажутову подошел пожилой болельщик и принялся очень интеллигентно, но настойчиво выяснять:

— Молодой человек, скажите пожалуйста, вот почему, когда Армения играет, то обязательно записывать надо, а? Ну объясните, зачем вас сюда Горбачев прислал — тут что, война идет?..

Так и не поверил в то, что матч записывается исключительно ради футболистов, что видеомагнитофон — собственность не КГБ, а «Крыльев Советов» и что к матчу Кировакана и Самары Горбачев не имеет никакого отношения.

Да, сколько же недоверия между нормальными людьми накопилось в последнее время!

Что же касается самого Михаила Сергеевича, то, надеюсь, я не нарушу закон о защите его чести и достоинства, если признаюсь: в этих краях его просто ненавидят. За то, что в Карабахе гибнут и гибнут люди. За то, что Москва взялась разрешать этот очень непростой конфликт грубой мозолистой рукой Советской Армии. За то, как подавалась остальному миру информация о закавказских событиях…

В Армении мне не раз бывало стыдно. Недавно в Москве пролилась кровь — и мы кипели (искренно ли?) от возмущения. Так откуда же это равнодушие к Карабаху, где масштабы трагедии неизмеримо больше? Или же карабахская, а еще вильнюсская, рижская, тбилисская и какая там еще кровь — второго сорта?..

И еще вот что поразило. Честно говоря, жизнь в нашей сонной Самаре сейчас не только спокойнее, а еще и сытнее и комфортабельнее, чем в измученной Армении. Так почему же там никому из самарцев не пришлось столкнуться с этой постоянной озлобленностью, взвинченностью, которыми мы досыта наелись дома?

Дорога в Кировакан проходит через Спитак. Это — страшная дорога. Три последних года не слишком-то изменили трагический пейзаж. Такую же дикую, противоестественную картину можно увидеть и в Кировакане — нормальные на вид, разве что без окон пяти- и девятиэтажки, в которых уже никогда нельзя будет жить, облеплены вагончиками, сараями и прочими времянками. Многие не верят, что даже их дети вырвутся из этих халуп.

И еще одно нельзя не заметить. Рядом с лачугами, выстроенными самими пострадавшими, стоят аккуратненькие коттеджи, подаренные Армении иностранцами. Словно из другой цивилизации заброшены в эту горную страну.

Даже церковь в Спитаке построили чужаки — итальянцы…

4

Но вернемся к делам более веселым — к футболу. Да, «Арарату-2» «Крылышки» проиграли. Но нельзя же из поражения делать трагедию — ведь вокруг и так столько непридуманного горя, вынужденных и потому неизбежных огорчений!

После матча обе команды возвращались одним автобусом. «Крылья» и «Арарат» мирно трепались друг с другом — о политике, шмотках, бабках… Посторонний никогда не поверил бы, что всего какой-то час назад те же парни были непримиримыми соперниками…

Не хочу говорить, что это здорово. Это — правильно.

Такими и должны быть наши отношения. Невзирая на результаты референдумов, голосований, матчей, в конце концов.

…А Ереван жил привычной своей жизнью. Джигиты-автомобилисты вовсю давили на клаксоны, завидев на тротуаре симпатичную блондинку. Около здания правительства продолжали голодовку абитуриенты местных вузов, уже после окончания вступительных экзаменов незаслуженно оттесненные «блатниками». Буквально в ста метрах, у фонтана с подсветкой, шла тусовка — веселая и беззаботная. На переговорном пункте самая длинная очередь стояла перед кабиной, из которой можно дозвониться в Степанакерт.

Да, в пестрое время мы живем…

В созвездии здравого смысла (Ноябрь 1991)

— Извините, талончик не продадите?

— Не продам. Даром отдам!

Мой попутчик произнес эти слова так гордо и торжественно, что я живо представил себе: вот сейчас дребезжащий трамвай остановится, в салон впорхнут девушки в чеченских одеждах и самая красивая из них — на серебряном подносе поднесет мне «тот самый талон…

Грозный — очень гостеприимный город. Не знай, как кому другому, а мне ни разу не доводилось там испытывать какие-то «специфические» неудобства. Однажды даже в гостиницу — в гостиницу! — без всякой помощи поселился, честное слово.

Но вот в один далеко не прекрасный день и Грозный превратился в «горячую точку».

Так что с Александром Федоровичем Тархановым, работавшим в прошлом году главным тренером грозненского «Терека», разговор был не о красотах того края и не об ароматах национальной кухни…

— …Все мои знакомые, словно сговорившись, сочувствовали: и как это меня туда занесло? С таким состраданием расспрашивали, будто я из-за линии фронта вырвался.

— И что вы им отвечали?

— Да уж во всяком случае не жаловался. Футбольных проблем, конечно, хватало, но покажите мне хоть одного тренера, у которого их нет. Что же касается темы: «Местные национальные дела и футбол», то тут просто рассказывать не о чем было — все шло нормально. Да, политические страсти порой перехлестывали через край, но на футбольную жизнь это никак не влияло. В самый разгар митингов у нас должны были играть торпедовцы Волжского. Мы отправили в Москву телеграмму, заверенную подписями всех руководителей республики: нормальное проведение матча гарантируем. Но соперники почему-то решили не ехать в Грозный, хотя абсолютно ничего им не угрожало. Победил бы сильнейший… Этот город, где я прожил не худший год своей жизни — грозный только названием. Будь по-другому, разве стал бы я сюда перевозить семью? Но жена была вместе со мной, сын учился в местном университете…

— То, что у вас нет предубеждения против людей другой национальности — это ясно. Иначе вы бы в Грозный просто не поехали. А к вам как относились?

— Там в последнее время так сложилось, что и в команде и вокруг нее в основном чеченцы. Это в семидесятые годы «Терек» обходился в первой лиге в основном приезжими футболистами. Но потом вылетели, и с тех пор был объявлен курс только на местные кадры. А это был совершенно бесперспективный путь. Чеченцы — они ведь горцы, здесь так заведено, что каждый мужчина чуть ли не с пеленок должен полагаться только на самого себя. Так и должно быть, у них же совершенно другой жизненный уклад. Но футбол-то — игра коллективная. Чтобы научиться расставаться с мячом, парню себя переламывать надо. А это не каждому дано, да и времени требует. Сейчас в Грозном создали юношескую команду, там семнадцатилетние местные ребята и учатся настоящему футболу. А от «Терека»-то результат требуется… Так что я не мог обойтись без приглашения иногородних.

— И как к этому отнеслись хозяева команды? Не увидели повод, чтобы упрекнуть вас в национализме?

— Да нет, они все понимают. Раньше ведь командой руководил кто? Партийные лидеры, в первую очередь. Дилетанты в футболе, они еще и стремились проводить в опекаемом коллективе «ленинскую национальную политику». Причем в то же время ждали от команды только побед. Вот и сотрясали «Терек» скандалы и раздоры. А потом появился состоятельный спонсор — совместное советско-американское предприятие Сов-Американ Трэйд. В отличие от меценатов за государственный счет его руководители вложили в дело свои собственные деньги. Вот он — профессиональный подход: им нужен результат, я, как тренер, должен его обеспечить. Все! Мне доверяли, и никто не пытался за моей спиной собирать команду по национальному признаку.

Да уж, вряд ли один профессионал будет интересоваться «пятой графой» другого профессионала. Зачем? Людей объединяет дело. Общее. Которое по плечу только мастерам. С каким бы акцентом они ни говорили.

…Вот поучительный пример на эту тему. Когда американская Национальная Баскетбольная Лига делала первые шаги, темнокожие спортсмены подвергались беспощадной дискриминации. Но чем более профессиональной становилась НБА, тем яснее было ее хозяевам: на площадку должны выходить те, кто способен давать результат. И, соответственно, прибыль. Поначалу это вызвало резкий протест аристократии, но спортивный гений темнокожих атлетов быстро покорил респектабельную публику. И «неожиданно» оказалось, что вопрос о происхождении не является самым главным.

Спортсмены оказались в авангарде борьбы за равноправие.

Видимо, можно взглянуть и шире: здравый смысл одержал победу в спорте быстрее, чем в «остальной» жизни. Если так, то над этим стоит задуматься. Безжалостная конкуренция, вечное стремление к совершенству (если не к моральному, то, во всяком случае, к физическому) — это сильные стимулы прогресса. В спорте все спрессовано во времени и проявляется потому особенно ярко. Право же, стоит приглядеться: а не находится ли путеводная звезда человечества именно на спортивной орбите?

Может, она светила в прошлом сезоне и неприметной футбольной команде из города Грозного?..

Впрочем, «Тереку» восхождение еще предстоит. А футболисты ЦСКА, чемпионы страны 1991 года, его уже совершили. Вот оно, убедительное свидетельство того, что скромная, возможно, первая за последнее время победа здравого смысла в армии — в Советской Армии! — была одержана именно в спорте.

— …Не в обиду нынешнему поколению ЦСКА скажу: наша команда была сильнее. Нет, не так: по уровню мастерства мы остались выше, но вот команды-то и не было.

— Может, вам и неприятно будет это слышать, но я ЦСКА ваших времен просто не переваривал…

— Да и я его не переваривал! Я же из-за того, что оказался в этой команде, процентов на пятьдесят раскрылся как футболист, не больше! Сколько раз порывался уйти — так не отпускали… Меня чуть ли не на Курилы грозились сослать за непокорность. Но я никогда не стремился под эту армейскую машину подстраиваться. А играть в настоящий футбол было там просто невозможно, такая вокруг команды сложилась обстановка. Первый год молодой футболист еще старается себя показать, чтобы в часть не отправили, а чем ближе срок демобилизации, тем больше равнодушия. Садырин, он ведь за счет чего чемпионства добился? За счет двух вещей. Того, что оградил команду от военных и наконец-то начал решать для армейских футболистов материальные и другие вопросы. То есть сделал ЦСКА хотя бы отдаленно похожим на цивилизованный профессиональный клуб. И это, помноженное, конечно, на чисто футбольную работу, дало результат. Мне такого добиться не удалось. Когда я в одесском СКА главным тренером был, тоже пытался работать независимо. Даже полковников с базы команды шугал, было дело. Военную форму от силы раз десять за все 15 лет службы надевал. Но в то время вряд ли непослушный человек смог бы чего-то добиться в армии…

Нынешний тренер ЦСКА — человек штатский. Подчеркнуто штатский. Как знать, если бы наши министры обороны тоже ходили не в одежде цвета хаки, запомнился бы миру день 19

августа 1991 года?..

Возвращаясь же к спорту, можно сказать вот что. Для мальчишек многих поколений команда ЦСКА была самой ненавистной темной силой нашего футбола. Благодаря Павлу Садырину, за какие-то три года этот «образ врага» растаял, хочется верить, безвозвратно.

Александр Тарханов немало сделал для того, чтобы растаяло другое предубеждение — против южан…

— …Перед глазами картина: одесские армейцы играют на переполненном стадионе Ленинакана. Я — тренер гостей, мы ведем 3:0. А с трибуны летят не камни, с трибун кричат: «Тарханов, еще забивай!» Болельщики радовались каждому красивому пасу, точному удару и проводили гостей аплодисментами. Кто-то из них помнил меня по абовянскому «Котайку», кто-то просто благодарил команду за игру… Бывает, конечно, и по-иному. Однажды в Виннице нас «поздравили» с выигрышем, разбив лобовое стекло — так и пришлось ехать на автобусе через всю Украину с ветерком. Ну так что прикажете, воспылать теперь ненавистью ко всему украинскому народу? В сезоне-91 «Терек» с интервалом в какой-то месяц дважды «убили» арбитры — в Кировакане и в Самаре. В одном случае, прямо во время матча рядом с боковыми арбитрами все время находились люди, без умолку сыпавшие угрозы, в другом — судья и так знал, куда свистеть. Ну и при чем тут национальность?.. В Грозном, например, несколько лет тому назад было вот что. Судья, как водится, дал решающий пенальти в ворота гостей где-то примерно на 97-й минуте. Так его местные же болельщики чуть не поколотили — зачем, мол, нас позоришь, настоящий мужчина честно побеждать должен. А другие, конечно, радовались…

— Ну, вы-то за два десятка лет в футболе ко всему, наверное, привыкли…

— Насмотрелся — да, многого: Но не привык! Может быть, вы и не поверите, но мне с годами все это не становится менее противно. А как тренер, я еще вообще только-только начинаю, у меня пока не пропало желание создать именно играющую команду, а не просто получить возможность добывать очки и прочие блага. Есть тренеры, которые могут работать только во второй лиге, причем именно за счет всяких закулисных дел. А я хочу большего. И считаю, что добиться этого надо в первую очередь за счет постановки игры.

Игры! Так что, даже возвращаясь из поездок, в которых судьи изрядно портили команде жизнь, никогда не жаловался на них руководству.

Это — не самый удобный путь. Согласитесь, кивать на

«продажных» судей или «бесчинствующих» болельщиков куда проще. В этом случае и за поражение никто строго не спросит, и для ответных «действий» руки вроде бы развязываются. А за пределами поля побеждать ведь легче… Футбол, правда, остается где-то на заднем плане, но об этом предпочитают не вспоминать. Более того, кое-кому из тренеров, похоже, такие выездные поражения даже на руку — списав все на околофутбольные сложности, так легко скрыть свою низкую квалификацию, объяснить и оправдать недоработки. Ну вспомните, часто ли тренер проигравшей на выезде команды публично заявляет о том, что не имеет претензий к арбитру? Или, вернувшись не солоно хлебавши из чужого города, благодарит хозяев за теплый прием?

Конечно, нынче на стадионах бывает всякое. Но, право же, все равно есть смысл воспринимать непрекращающиеся жалобы на «происки врагов» более скептически.

— …Мне много приходилось играть за ЦСКА в южных городах. И не припомню ни одного случая, чтобы нас встречали или провожали как-то не так. Ни Тбилиси, ни Ереван, ни Ташкент никогда не изменяли законам гостеприимства. Судьи — да, прихватывали, и нередко. Но назовите хоть один город, где не прихватывали? Так что, в основном — самые теплые впечатления.

— Но не будете же вы отрицать, что за последние годы многое изменилось, причем в худшую сторону.

— Конечно. Но в той ситуации, которая сложилась в нашей стране, иначе и быть не может. Люди взвинчены, озлоблены, разобщены. Все это, помноженное на низкую культуру, и дает «результат». Футбол тут ни при чем, люди каких-то определенных национальностей — тем более. Это — закономерность, с которой приходится мириться.

— Надеюсь, вы не предлагаете сидеть сложа руки и ждать, когда на стадион вообще будет страшно ходить?..

— Да нет, конечно, кое-что можно сделать и в одной отдельно взятой сфере. Что? Не разжигать страсти вокруг поражений. Воспитывать болельщика — насколько это возможно — доброжелательным и объективным. Показывать настоящий футбол, наконец. Но по большому счету, все это — полумеры. Главная причина — нынешняя наша жизнь. Стала бы она хоть чуть-чуть светлее…

— И тем не менее — в Грозном вам что-нибудь удалось изменить к лучшему?

— За тот год, что я работал в «Тереке», было организовано больше встреч с болельщиками, чем, наверное, за всю историю команды. Несмотря на напряженную обстановку в республике и в самом городе, серьезные инциденты на наших домашних матчах

не вспыхивали. Да и футбол «Терек», хочу надеяться, стал показывать другой…

Что правда, то правда. В сезоне-90 грозненцы были одной из самых недисциплинированных команд не только буферной зоны второй лиги, но и всего нашего футбола. Пять удалений и аж сорок предупреждений — это надо успеть столько нахватать! А когда кипят нездоровые страсти на поле, не будет покоя и на трибунах…

В минувшем же сезоне обстановка изменилась. Грозненцы не просто поднялись на восемь строчек в турнирной таблице, но и изменили само отношение к игре. Два десятка «горчичников» и ни одного удаления за весь чемпионат — для такой темпераментной и самолюбивой команды, какой «Терек» был, есть и, думается, будет, — совсем неплохо.

…В футболе, как и в жизни, здравый смысл торжествует, увы, далеко не всегда. Более того, не перечесть случаев, когда команды добиваются успеха как раз вопреки этому самому здравому смыслу, то есть той системе ценностей, которую мы пытаемся создать.

Но к «Тереку» эта сентенция, похоже, не имеет ни малейшего отношения.

— …Честное слово, жаль, что не довелось поработать в Грозном подольше. Неожиданно получил приглашение из «Пахтакора» — из высшей лиги. И я согласился. Давно мечтал поработать с командой такого уровня. В Грозном все поняли правильно — удерживать не стали, поблагодарили за работу и пожелали удачи…

…До недавнего времени в «нерушимом» было два удивительно пестрых в национальном отношении города — Ташкент и Баку. Теперь вот остался один Ташкент… Футбольный Баку повел борьбу за чистоту крови где-то в начале семидесятых. Пришел день, и те же процессы начались во всем городе. Не то ли одна из причин того, что «Нефтчи» в последнее время совсем потерялся в первой лиге?..

В Ташкенте же в паспорта футболистов не смотрели никогда. Вот «Пахтакор» и восстал из руин. В прямом смысле…

Наверное, то, что пригласили сюда именно Тарханова, не случайно. С ЭТОЙ командой и должен работать такой тренер. А вы как считаете?..

«Я чувствовал себя Колумбом…» (Декабрь 1991)

Вступление

Над этой главой мы работали вместе с Валерием Мельниковым.

Мельников — человек в футбольных кругах известный. Он — один из тех 16 минских «гвардейцев», которым десять лет назад за победу в первенстве страны были вручены золотые медали.

А через три года после триумфа фамилия «того яркого полузащитника исчезла из заявочных списков команд высшей лиги.

В те времена нашим футболистам даже и не грезились зарубежные контракты. Но Мельников нашел свою «заграницу»: из прохладного спокойного Минска он укатил в знойный Кировабад. А потом ему довелось всласть помотаться по городам и весям. Причем Мельников играл в таких краях, куда футбольная судьба обычно не заносит игроков его уровня даже по недоразумению.

— Ничего себе, и ты еще не спился?! — примерно такими «приветствиями» встречают его порой в Минске во время редких наездов на родину.

Может, кто другой и на самом деле покатился бы по наклонной. Чего уж там, подобных примеров на слуху у каждого из нас превеликое множество. Но только к Мельникову все то не имеет никакого отношения.

Взял вот человек, да и не спился…

Возможно, это и в самом деле нетипично! Но в том-то и штука, что Мельников отличается от многих и многих своих «собратьев по оружию». Уже тем, что хотя и любит футбол (а не себя в футболе, как некоторые), но в то же время живет не только им. Людей с такими разносторонними интересами, как у него — поискать. А уж среди спортсменов — тем более. С какой стати ему спиваться, если жизнь — полнокровная, интересная, непредсказуемая — продолжается!

Работать вместе с ним — одно удовольствие. Обычно в таком соавторстве лидерство принадлежит журналисту, который заботливо вкладывает собственные умные мысли в уста своему герою. Наше же сотрудничество было по меньшей мере равноправным.

…Уже давно переименован в Гянджу «мельниковский» Кировабад, а его «Кяпаз» передан в ведение всемогущего «Динамо». Но мы вернемся на пять-шесть лет назад, когда три закавказские республики жили мирно, а их футбольные команды, может, и не столь мирно, но все равно увлеченно и азартно

соревновались в девятой зоне второй лиги.

Итак, слово Валерию Мельникову.

1. Хозяин

Кировабадский «Кяпаз» середины восьмидесятых — это была команда второго секретаря горкома партии Джумшута Мавсимовича Мамедова.

Я не знаю, занимался ли он хоть чем-нибудь кроме футбола. Но только редкий день обходился без его длительных визитов на нашу тренировочную базу. О том, что товарищ Мамедов не пропускал ни одной игры «своей» команды, я уж и не говорю. За полтора часа до начала матча нас обычно собирали на установку, а ровно за полчаса до этого на базе появлялся Джумшут Мавсимович. Он сразу направлялся к нашему главному тренеру — Сергею Сергеевичу Крамаренко. Изнутри щелкал замок, и, видимо, как раз в эти минуты план на игру обретал силу закона…

От внимания второго секретаря не ускользала ни одна деталь жизни команды. Думаю, он и состав на каждый матч был бы готов определять сам, да на счастье Крамаренко у нас тогда было всего-то 12–13 боеспособных футболистов, и этот вопрос решался без участия Мамедова.

Зато во всем остальном Джумшут Мавсимович был полным хозяином. Это у него настолько укоренилось, что даже во время игр он отдавал распоряжения Крамаренко по… телефону. Между «почетной» мамедовской ложей и скамейкой запасных каждый раз протягивали кабель, и если к двадцатой минуте счет еще не был открыт, телефон начинал трезвонить то и дело… Однажды и я на замену вышел по личному указанию «сверху», с трибуны: «Ну, ты, выпусти-ка этого…»

Или, например, любил Джумшут Мавсимович свою фамилию — Ма-ме-дов. МАМЕДОВ! И ему ничего не стоило распорядиться, чтобы капитаном команды непременно был его однофамилец. Тофик, правда, оказался действительно неплохим парнем, но это в данном случае не имело никакого значения. Играл у нас, кстати, и еще один Мамедов — Эльгиз, большей частью сидевший в то время по молодости в запасе. Так старший товарищ его о на зависть другим новичкам — просто как сына опекал. Никогда не забывал позвонить Крамаренко в середине второго тайма: пора, мол, замену готовить… Мне вообще кажется, что Джумшут Мавсимович запросто мог взять да и создать команду из одиннадцати Мамедовых. Ну, на худой конец, из десяти Мамедовых и одного Мельникова…

Короче говоря, второй секретарь был в команде первым человеком. И, конечно, все материальные вопросы решались при непосредственном его участии. Мы знали, горком отдал

распоряжение (гласное или нет — это было не столь уж и важно) всем директорам кировабадских предприятий, шашлычных, рынков и прочим руководителям: каждый из них обязан оказывать команде материальную помощь. Эти ручейки сливались в один поток, и выходило так, что заботится о нас именно второй секретарь. Причем, никто не имел права делить с ним столь необычную привилегию. Например, как-то перед началом матча у нас в раздевалке появился директор кондитерской фабрики и от себя лично пообещал каждому футболисту по сотне за выигрыш. Но это было нарушением правил, и за самоуправство он получил от горкома партии «желтую карточку». Впрочем, здесь все и так прекрасно знали: Джумшут Мавсимович в состоянии решить абсолютно любой вопрос.

Но каждому полагалось знать свое место. А роль благодетеля, кормильца и хозяина отводилась только одному человеку — второму секретарю горкома партии.

(«Рядовых» болельщиков, правда, не лишали возможности делать нам подарки без визы ГК КПСС. Никому не возбранялось подойти, скажем, на улице к футболисту и сказать: «Слушай, дорогой, ты мне нравишься. Я буду каждый месяц давать тебе по сто рублей…» Но такие встречи нередко оборачивались неприятностями. Иные благодетели с упоением — и множеством несуществующих подробностей, кстати, — принимались твердить о своей щедрости на каждом углу…)

Зато о размерах сумм, которые время от времени в конвертах передавал каждому из нас администратор команды, не знал никто. Это был, я бы сказал, «кавказский вариант профессионализма» — тайна «контракта», отсутствие уравниловки (как я могу предположить), но — зато никто никогда не знал, за что и сколько он должен получить… Впрочем, у меня не было оснований размышлять на эту тему — во всяком случае, даже когда минское «Динамо» стало чемпионом страны, я имел не больше. К тому же основной навар игроки высшей лиги получали не за победы в чемпионате или Кубке, а от заграничных поездок. Я же как-то не был любителем всех этих операций с икрой и водкой.

Честно говоря, материальное никогда не было у меня на первом месте. Я всегда играл в футбол не за деньги, а просто потому, что любил это дело. Когда чувствовал, что матч мне в радость, я горы мог свернуть — в высшей ли лиге, во второй ли, в ответственной игре или на тренировке. Но в принципе, конечно, положение дел, при котором в какой-то заштатной команде футболист может быть более обеспеченным, чем в гораздо более

сильной, не идет на пользу делу. У наших людей и так-то в крови готовность довольствоваться малым и не стремиться к самосовершенствованию — а тут еще и это «малое» оказывается весьма и весьма внушительных размеров…

Кстати, и сам Мамедов нередко «воспитывал» нас таким монологом: «Я, второй секретарь горкома партии, получаю всего 360 рэ в месяц, гораздо меньше вас — как вам, понимаешь, не стыдно…» Не знаю, верили ли ребята рассказам о «бедности» своего «благодетеля», но я, не раз бывавший у него в гостях, конечно, не мог не посмеиваться. Впрочем, и у других футболистов «Кяпаза» не было поводов чувствовать себя обделенными.

Минские знакомые, привыкшие к совсем иной системе премирования, часто спрашивали у меня: а не возникали ли в городе в связи с футболом разговоры о финансовых злоупотреблениях? Какое место отводилось в футбольной пирамиде ОБХСС? Ведь в то время во многих сферах существовал потолок зарплаты, да и коммунистическая мораль предписывала всем жить в скромности, не стремиться к личному обогащению… Тогда я, честно говоря, не задумывался об этом. Но сейчас могу предположить, что в правоохранительных органах, наверное, тоже было немало болельщиков… Да в конце концов, допустим, кто-то отважился бы копнуть под команду — разве эта затея не была обречена на провал в Кировабаде — городе, где болельщиков почти столько же, сколько и мужчин, а три разной престижности ложи для руководителей забиты во время матчей до отказа?

Нет, та система исключала даже саму возможность появления неугодных или просто неудобных ей людей.

Хотя мне, надо признаться, дозволялось побольше, чем многим другим. Своей игрой я заслужил право кое на какую независимость.

…Однажды, на третий или четвертый месяц моего пребывания в «Кяпазе», меня пригласили на свадьбу. Гостей собралось, наверное, не меньше тысячи человек. Но тамада, перечисляя самых дорогих и почетных гостей, одним из первых назвал меня, человека, которого к тому времени действительно знал весь город. В общем-то, я не люблю такие шумные застолья и всегда стараюсь отсидеться где-нибудь сбоку. Но на сей раз пришлось быть все время в центре внимания. Честное слово, от очень многих предложений выпить я отказался. Но — не от всех. И кто-то из гостей тут же позвонил Мамедову: знаете, Джумшут Мавсимович, а Мельников-то чуть ли не под столом валяется. Тот, как всегда в подобных ситуациях, собрал всю свою свиту — зав. секторами, инструкторов — и помчался на базу команды

реагировать на «сигнал». Дожидаться, когда очередной нарушитель режима, на этот раз Мельников, вернется домой. Я об этом, понятное дело, ничего не знал, приехал часа через два и от такой встречи, конечно, немного растерялся. Ничего себе ситуация, а? Поддавший футболист и чуть ли не бюро горкома на выезде… Да только я все равно не стал ни заискивать, ни оправдываться. А просто взял себя в руки и сказал всего две фразы: «Извините, но я устал и иду спать. К игре буду в порядке». И, не оборачиваясь, ушел. Те просто обалдели, с ними никогда в таком тоне не разговаривали… Но к игре я действительно подготовился как надо. Потом Мамедов подошел ко мне и пожал руку: «Ты поступил как настоящий мужчина, сдержал слово. Молодец! Пусть все останется между нами…»

А какое могло быть «между нами», когда оба эти разговора проходили в присутствии минимум десятка свидетелей? Да назавтра весь город был в курсе… Но, как бы то ни было, а с тех пор на мою свободу никто не покушался.

Только не думайте, что я злоупотреблял этим. Например, 25 октября 1986 года у «Кяпаза» был стартовый матч переходного турнира с «Красной Пресней». А 21 у меня — день рождения. Я домой летал, в Минск. Собрались друзья, мы славно посидели, но так я ни глотка и не выпил…

Я вообще не стремлюсь поступать определенным образом только потому, что «так принято». Как считаю нужным, так и живу. Не сочтите бахвальством, но убедить меня гораздо проще, чем заставить. Мне кажется, что даже Эдуард Васильевич Малофеев уважал меня за эту черту. Сильные люди — а я считаю своего главного в жизни тренера именно таким человеком — может, и не очень любят непослушных, но послушных просто презирают.

Думаю, и Мамедова чем-то «грела» моя непокорность. Мол, как это так — все пасуют, заискивают, а этот держится прямо как с равным. То ли признавал за мной право голоса, то ли просто прощал, а может, такая «демократичность» даже и поднимала его в собственных глазах. Не забывайте, шел первый год перестройки… Но во всяком случае, я был единственным, кто постоянно и, главное, безнаказанно возражал Мамедову на бесконечных собраниях, которые устраивались в «Кяпазе» по любому поводу. И ничего, обходилось — я даже не раз бывал у Джумшута Мавсимовича в гостях, и мы в его «скромном» двухэтажном домике о чем только не говорили… Я ведь не только футболом жил — и политикой интересовался, и экономикой, много повидал и прочитал, всегда был готов поспорить. Причем, когда мы оставались один на один, мне порой в чем-то удавалось

и переспорить Второго.

Зато вот Первый во время единственной нашей встречи меня… сразу выгнал. Это было перед началом переходного турнира, когда он вдруг пригласил команду на прием. В то время «первым» в Кировабаде был человек из Баку, а у этих городов всегда существовали непростые отношения. Не думаю, что он так уж желал «Кяпазу» удач, просто, организовав эту почти ритуальную встречу, выполнил свой партийный долг. Может быть даже и скрепя сердце. А тут еще я по своему обыкновению что-то сказал… Короче, выставил он меня вон в самой что ни на есть непарламентской форме!

Такого оскорбления мне не доводилось испытывать никогда в жизни. Спускаясь по горкомовской лестнице, я уже принял решение уехать из этого Кировабада к чертовой матери. Но — на вахте меня остановил милиционер. Негромко и властно, прямо как Мюллер Штирлицу, он сказал: «А вас, Мельников, я попрошу остаться». Как они успели по селектору отрезать мне путь к отступлению?.. Ну, а потом, когда собрание к всеобщей радости кончилось, тренеры уговорили-таки меня не принимать все близко к сердцу.

Но это был в то время единственный неприятный для меня эпизод. Что скрывать, в Кировабаде меня любили. И мне это нравилось. Не раз бывало: выйду из своей комнаты на базе на балкон, а внизу две «Волги» стоят и три «жигуленка». А в машинах сидят люди и терпеливо ждут, к кому же из них я на этот раз поеду в гости… Да и в команде я тоже был человеком уважаемым. Когда нам за выход в первую лигу пообещали на всех три «Волги», никто не сомневался: одна из них достанется мне. Вот только успешно пройти переходный турнир нам так и не удалось…

И тут я впервые узнал, какое крошечное расстояние разделяет любовь и ненависть. Особенно, когда в дело вступают эмоции… Короче говоря, я стал чуть ли не главным виновником неудачи! После того, как «Кяпаз» не смог обыграть «Крылья Советов», мне вдруг припомнили, что я… посмел общаться со знакомыми ребятами из команды соперников — тамошняя мораль считала это чуть ли не смертным грехом. И еще. В решающем матче я вышел на замену минут за десять до конца с незалеченной травмой — вообще еле ходил. Но несмотря на это дал две такие передачи, после которых наши просто чудом не забили решающий мяч. Так надо же — «выяснилось», что травму-то я, оказывается, придумал… Интересно, вам приходилось встречать хотя бы одного человека, который бы взял да и отказался от почти обещанной «двадцатьчетверки»? Но даже такие

элементарные аргументы не брались в расчет в длительной разборке неудачи.

А ведь в принципе тогда, осенью 86-го, ничего страшного для нас не произошло. У Кировабада была сильная команда, и, коли один раз стечение обстоятельств помешало «Кяпазу» выйти в первую лигу, то годом позже наверняка все было бы иначе. Уж на что скупой на комплименты человек Валерий Васильевич Лобановский, но и он сказал про «Кяпаз», когда мы на кубок сыграли с киевским «Динамо» почти на равных, немало теплых слов.

В общем, все было впереди. Но — наш хозяин посчитал иначе. Не смог Джумшут Мавсимович пережить неудачу как подобает профессионалу — хладнокровно и с достоинством. Именно после окончания сезона и проявилась во всей красе футбольная некомпетентность Мамедова. Сгоряча он практически в одночасье разрушил команду. Разогнал многих из тех, в ком недавно души не чаял, высыпал на наши головы множество оскорблений и проклятий.

Передо мной, правда, от его имени потом извинились. В феврале 87-го в Минск приехали люди из Кировабада и предложили забыть все плохое. Я вернулся в «Кяпаз» и еще целый год варился в жарком котле закавказской зоны второй лиги. Но наша команда, хотя город и оказывал ей по-прежнему всяческую помощь, уже была другой. Выйти на уровень сезона-86 ей так и не удалось. А потом и товарища Мамедова за какие-то прегрешения перевели на другую работу…

2. Коррида длиною в жизнь

Такие люди как Мамедов опекали практически каждую из команд тогдашней девятой зоны. Насколько я знаю, чаще всего это были партийные работники, но встречались и хозяйственники — директора заводов, председатели крупных колхозов. Можно сказать, «заправилы административно-командной системы».

И в жизни, и в футболе эти люди нетерпели, когда хоть что-то выходило из-под их контроля. И поэтому поражения, да еще те, которые «их» команды терпели на своем поле, были для «опекунов» просто невыносимы. А уж поражения от соседей — тем более. У многих меценатов за государственный счет была такая мораль: пусть моя команда плетется десятой, но я останусь доволен — лишь бы другие клубы республики выглядели еще хуже…

Это наш Мамедов мог ходить на всяких совещаниях в Баку гоголем — «Кяпаз»-то все время был в лидерах. Представляю, кстати, как ненавидели его за это коллеги по партии из Сумгаита, Мингечаура, Казаха, которым так и не удалось создать сильные команды…

За два года мы потеряли дома всего-то навсего одно очко! И нами, естественно, были довольны. К тому же «Кяпаз» не просто тешил амбиции местного начальства победами, но и выигрывал чаще всего красиво — команда-то в Кировабаде на самом деле подобралась неплохая. Особенно в сезоне-86, когда нам и не нужно было прибегать к помощи судей… Но что оставалось делать другим клубам зоны, в которых не находилось ярких исполнителей, но были те же запросы руководства? Спокойно мирились с поражениями разве что аутсайдеры — да они, впрочем, чаще всего и оказывались в подвале турнирной таблицы именно потому, что не имели покровителей. А для большинства команд любое домашнее поражение могло привести к печальным последствиям. В гневе футбольные «удельные князьки» не утруждали себя поиском виноватых — потеря работы постоянно грозила любому игроку или тренеру. Спасали только выигрыши.

Даешь победу любым путем! Вот и шли в ход откровенная грубость и запугивание, неправедное судейство и подкуп… Да, примерно те же самое случается повсюду, но в Закавказье, где сильны старые традиции и обычаи, где у людей совершенно особый темперамент, это принимало подчас совсем иные формы…

Когда по весне команды девятой зоны узнавали календарь игр, тренеры тут же принимались разрабатывать своеобразную

«турнирную стратегию». Нет, они пеклись не о том, как бы ровно пройти дистанцию первенства, разумно распределить нагрузки… Тренеры занимались анализом другого рода. Ход размышлений был примерно таким: «Так, с командой «Икс» мы в первом круге играем дома. В прошлом году они и встретили, и проводили нас относительно неплохо, несколько мелких стычек и всего один пенальти не в счет. Постараемся дома тоже не наглеть, ведь туда нам ехать в октябре, а в это время очки могут понадобиться… Так, а когда мы играем с этим сволочным «Игреком»? Вот, в первом круге на выезде. Ладно, пошлем туда запасных, пусть себе проигрывают. Но зато за три тура до конца, когда они приедут к нам, мы расквитаемся за все! А они приедут, приедут «основой», ведь пообещали же занять первое место…»

У каждой пары команд годами складываются свои, особые взаимоотношения. Накапливаются обиды, растут долги…

У «Кяпаза», например, особые счеты были с «Металлургом» из Рустави.

…Первый круг чемпионата-86. Мы играем на поле соперника. Говоря по справедливости, наша команда как минимум на две головы выше. Но… Хозяева не просто «по традиции» мечтают о победе над «Кяпазом», но и, кроме того, считают себя обязанными помочь другой грузинской команде — сухумскому «Динамо», отчаянно спорящему с нами за первое место. Игра, словом, идет серьезная. Мы ведем 1:0, во втором тайме судья не засчитывает еще один чистейший гол в ворота хозяев. Обстановка накаляется… И вот — примерно на 97-й минуте, когда разгоряченные зрители все уже встали со своих мест, свисток. Нет, не финальный — пенальти. Хотя ни до одного игрока «Металлурга» наши даже не дотрагивались!

Ну и началось… И игроки, и болельщики (а сопровождало тогда команду по несколько тысяч кировабадцев) принялись выяснять между собой отношения. Наш тренер сцепился с арбитром — сколько раз отличные голкиперы Сергей Крамаренко и Алеша Абрамян стояли друг напротив друга в воротах, а тут вот сошлись лицом к лицу… Минут десять, наверное, длилось это исступленное и совершенно бесполезное разбирательство. Наконец, хозяева забили одиннадцатиметровый, и команды расстались злейшими врагами.

А через пару месяцев грянул ответный матч: «Кяпаз» — «Металлург».

Еще за пару дней до игры я понял: ребята готовятся по-особому. Все ходили по базе хмурые, сосредоточенные, ни улыбки, ни смешка. Настраивались не на матч — на бой. И дали его по всем местным правилам.

В каждое единоборство футболисты «Кяпаза» шли так, будто оно последнее. Троих игроков гостей унесли с поля на носилках. Четыре мяча побывали в сетке ворот «Металлурга».

Но и это было еще не все. Далеко не все.

Главное началось после финального свистка.

В Кировабаде футболисты проходят из раздевалок на поле и обратно по специальному тоннелю. Как в Москве на «Динамо», метров 50, не больше. Но именно здесь разыгрываются третьи таймы многих матчей, о чем, наверное, болельщики и не подозревают. Тусклые лампочки, голые грязные стены — самые «те» декорации для сведения счетов и выяснения отношений. На входе милиционеры решительно преграждают путь посторонним, но если крепкий мужчина вежливо объяснит, что он непременно должен пройти туда, потому как «враги» недавно обидели наших славных ребят — разве же его не пустят?

Виновных в тоннеле не ищут. Каждый, на ком футболка «не того» цвета, считается противником. Здесь достается всем.

…Третий — и главный! — тайм матча «Кяпаз» — «Металлург» завершился безоговорочной победой хозяев…

Такое место, где с «недругом» можно всласть поговорить без применения футбольных приемов, существовало на каждом стадионе. Так что, хотя я никогда не был грубым игроком или тем паче задирой, мне порой тоже доставалось за «грехи» моих товарищей по команде.

Коррида! Коррида длиною в целых два сезона…

Поначалу мне все это было просто дико. Я не раз заговаривал с ребятами: «Ну зачем, зачем нам это надо? Мы ведь и так доказали, что сильнее. Не соперников же унижаем — себя…» Мне до сих пор кажется, что как-то по-своему парни переживали, тяготились из-за постоянных побоищ, чувствовали всю их бессмысленность. Но — начиналась новая игра, команду захлестывали те же эмоции, и все повторялось…

Я часто думаю: ну, а если бы «Кяпаз» пробился в первую лигу — сохранились бы у команды эти повадки? И признаться, не спешу сразу давать безоговорочный положительный ответ. Хороший футбол — он ведь облагораживает, он уже не оставляет эмоций ни на что, кроме самой игры.

А настоящее мастерство в Кировабаде ценят.

Весной 89-го в гости к «Кяпазу» приехал уже начавший свое триумфальное восхождение ЦСКА. Кубковый матч выдался не загляденье — боевым, красивым, драматичным. Гости выиграли, хоть ничуть не меньше оснований рассчитывать на победу было и 5 «Кяпаза». Но стадион проводил москвичей благодарными аплодисментами. И армейцы, вышагивая по сумрачному

кировабадскому тоннелю, даже представить себе не могли, какие сцены разыгрываются здесь после других матчей… А вечером гостей щедро, от души — угощали в лучшей Кировабадской шашлычной.

В городе до сих пор не забыли «Динамо» образца шестьдесят восьмого года — команду высшей лиги. Кировабадцы заняли тогда безоговорочное последнее место, но воспоминания о том времени для местных болельщиков — святые. Люди не говорят ни о результатах игр, ни о месте в турнирной таблице. Для них сезон-68 — это встречи с Яшиным, Стрельцовым, это прикосновение к настоящему футболу. Игре, достойной обожания. Между прочим, когда динамовцы, только-только завоевав путевку в высшую лигу, с победой вернулись Е Кировабад, весь их путь от вокзала до центра был устлан коврами. Пожалуй, с тех пор ТАК в Азербайджане встречали только Леонида Ильича…

В городе по сей день с грустью говорят о том, что если бы в разгар сезона-68 из «Динамо» не увезли в Баку пятерых игроков, здесь до сих пор была бы классная команда. А вот создать новую, с которой наконец удастся вырваться из этого болота второй лиги, никак не получается. Но мечта — она остается. А мечта не может не быть высокой, в тоннеле ей тесно…

Словом, не исключено, что, оказавшись в приличном окружении, команда и сама изменилась бы к лучшему. Возможно, мне не стоило бы судить по себе, но тем не менее. Вот я — чемпион страны, мастер спорта, человек, кое-что повидавший — не стану же я унижаться до тычков исподтишка и сведения счетов в каком-то тоннеле! Все, что считаю нужным, я в состоянии сказать на поле, в игре. И больше ни в каком самоутверждении не нуждаюсь. Так может, и кировабадские футболисты, столкнувшись в игре не с привычными своими соперниками, а с настоящими мастерами, постарались бы перенять у них в первую очередь лучшее?

Ведь я, признаюсь, чувствовал: мое присутствие в «Кяпазе» приносит местным футболистам кое-какую пользу. Помните игру минского «Динамо» начала восьмидесятых? Команда играла на выезде даже лучше, чем дома, жадно стремилась к футболу раскованному и красивому. Я, хотя и не был в той «золотой» команде на самых первых ролях, ее футбол принял всем сердцем. И, даже уйдя из «Динамо», везде пытался играть по-мински. Честное слово, «Кяпазу» это иногда удавалось! Мы чуть ли не первыми в Закавказье научились более-менее уверенно выступать на чужих полях — в сезоне-86 аж 16 очков с выезда привезли! Да и футбол показывали не совсем типичный для тех мест — тоже

по-южному техничный и азартный, но гораздо более гибкий и коллективный.

Даже после того, как я уехал из Кировабада, у ребят это осталось — вкус к игре в одно касание, к неожиданным для соперника острым передачам вразрез…

Впрочем, не хочу показаться нескромным. При желании, нашей уверенной игре на выезде, например, можно найти еще одно объяснение: вслед за «Кяпазом» всегда путешествовало до нескольких тысяч кировабадских болельщиков. На автобусах, собственных машинах — где бы мы ни играли, от Степанакерта до Сухуми.

Да, сейчас такое трудно себе представить. Но это было совсем недавно: азербайджанская команда и ее многочисленные поклонники совершенно спокойно ездили в соседнюю Армению. И даже в самых страшных снах им не могло присниться, что настанут дни, когда такое путешествие всего на несколько десятков километров станет попросту невозможным…

3. За полчаса до грозы

Мне кажется, я неплохо изучил Закавказье.

У меня было там превеликое множество знакомых. И среди людей, стремившихся быть поближе к команде — постоянное общение с нами поднимало их авторитет. И среди «рядовых» болельщиков, обожавших футбол бескорыстно и горячо. И среди военных, кое-кто из которых болел за меня еще в Минске. И среди людей, не имевших никакого отношения к футболу, но с которыми мне было просто интересно общаться…

Однако признаюсь: для меня нынешнее драматическое развитие событий стало полной неожиданностью.

Наоборот, мне всегда казалось, что в Закавказье люди менее разобщены, чем, допустим, в России или в моей родной Белоруссии. Тут каждый все про всех знает, соседи и просто знакомые общаются друг с другом гораздо охотнее. Загляните вечерком в любой городской двор — вы увидите одну и ту же почти идиллическую картинку: мужчины за чаем ведут неспешную беседу, рядом снуют детишки… В чайхану здесь люди заходят не просто перекусить, но и пообщаться. Кировабадцы действительно жили дружно! И я, хоть имел в азербайджанском весьма скудные познания, тем не менее сердцем ощущал эту атмосферу добра и спокойствия.

Здесь многое было по-другому. Не собираюсь судить, лучше или хуже, чем у нас — просто по-другому. Знакомых девушек, например, не принято приглашать на футбол — места на трибунах занимают исключительно мужчины. Или другое. На рынке чуть ли не верхом неприличия считается, если вы что-то купите, не торгуясь. Вас просто не будут уважать, ведь торговля здесь — это искусство, это ритуал, это, наконец, просто радость общения. Тут течет совсем иная жизнь — в Кировабаде, а уж тем более сейчас, в Гяндже, можно за целый день не услышать ни одного русского слова. Приезжих здесь подстерегает немало неожиданностей. Кое у кого это вызывает раздражение, даже неприязнь…

Меня же то, что я окунулся в совершенно незнакомый мир, только бодрило. Я чувствовал себя Колумбом в неведомой стране, каждый день открывал для себя что-то новое. И хотя с радостью выкраивал деньки для поездки домой, в Минск, никогда не чувствовал себя потерянным и в Кировабаде.

В этом отношении мне было, конечно, проще, чем другим «братьям-славянам», оказавшимся в закавказских командах. Игроков с Украины, из России и Белоруссии сюда приглашали

довольно охотно, но задерживались здесь надолго немногие. Те, кто ехал только за длинным рублем, как правило, быстро разочаровывались. Уж слишком неуютно они себя чувствовали в новой непривычной обстановке. Хотя по чисто футбольным меркам были, казалось бы, просто обязаны стать заметными людьми во второй лиге. В 87-м в «Кяпаз» пригласили мастера спорта международного класса Андрея Редкоуса, интересного полузащитника Юрия Шумлина, но они так и не смогли заявить о себе.

Хотя встретили их в команде очень радушно. Так же, как годом раньше и меня. Ни о каком предвзятом отношении к русским или уж тем паче о проявлениях национализма в то время не было и речи.

Искорки будущего пожара, правда, кое-где уже поблескивали, но они были настолько слабыми и незаметными… Ну, кто-то скажет что-то не то в шашлычной, так ссора и утихнет столь же быстро, как и началась. Все! В остальном жизнь шла нормально. Одним из лучших игроков «Кяпаза» был, например, армянин — мой хороший приятель Аркаша Акопян, и я не припомню случая, чтобы у него были проблемы.

Да я вообще глубоко убежден: подавляющее большинство людей не желало зла представителям другой национальности. Даже оказавшись вынужденными подчиниться разгулявшейся стихии, они пытались сохранить в себе человеческие черты. Когда стало ясно, что армянам придется-таки уехать из Гянджи, их соседи-азербайджанцы делали зачастую очень многое, дабы скрасить горечь расставания. Устраивали прощальный стол, помогали погрузить и отправить скарб…

У меня нет никаких сомнений: людей просто-напросто стравили друг с другом. Сознательно, умно и подло. Не верьте тем, кто говорит сейчас, будто азербайджанцы всегда были с армянами заклятыми врагами — неправда это! А зло все, мне кажется, шло сверху.

Вот один простенький пример. Футбольный.

Знаменитый в прошлом форвард «Нефтчи» Анатолий Банишевский, работая тренером в команде второй лиги «Автомобилист» (Мингечаур), воспитал отличного игрока — полузащитника Саркисяна. Любимца местных болельщиков. Футболиста, которого знала и уважала вся девятая зона. Парня, которому было по плечу усилить главную команду Азербайджана.

Но кто-то из руководителей бакинской команды — наверняка, дилетант в футболе — каждый год ставил одно и то же условие: Саркисян сможет переехать в столицу, только… став Саркисовым. Гордый футболист постоянно отказывался от этой

унизительной процедуры. Так и не довелось ему поиграть в высшей лиге. И что, выиграли бакинские болельщики от прихоти высокопоставленного самодура?

Я давным-давно понял: из-за того, что нашими футбольными судьбами распоряжаются дилетанты, вынуждены деградировать и мы сами — спортсмены, тренеры, судьи, сама игра, словом. И чем ниже уровень команды, тем губительнее ее поистине рабская зависимость от сильных мира сего. В последние годы это становится особенно заметно.

Еще несколько лет назад вторжение политиков в футбол не было таким беспардонным. Даже в Закавказье, где острота любого конфликта испокон веков была совсем иной, чем в других краях! Во всяком случае, сколько было на моей памяти всяких футбольных стычек и разбирательств, но национальная струнка при этом никогда не затрагивалась. Мы могли, например, буквально с боем отыграть матч в соседнем Казахе и в то же время абсолютно спокойно уехать из Октемберяна или Поти.

Сейчас и не верится, но еще в 86-м без всяких осложнений играли в Степанакерте. Даже победили там, между прочим…

Но всего годом позже матч «Карабах» — «Кяпаз» получился совсем другим… Даже в «Советский спорт» попала информация об этой внешне рядовой игре. Вот что рассказала тогда газета на своей первой полосе.

«Перед началом матча директор стадиона А.Р. Петросян на вопрос: «Кто сегодня выиграет?» шутливо ответил: «Или «Карабах», или «Кяпаз», или в крайнем случае будет ничья». Казалось бы, прогнозист предусмотрел все варианты. Но и он ошибся. За 6 минут до финального свистка гости, проигрывавшие к тому времени 1:3, самовольно покинули поле и, побив стекла и сломав мебель в раздевалке, заканчивать встречу отказались.

…В Степанакерте футболисты «Кяпаза» весь первый тайм чаще били по ногам соперника, чем по их воротам. Судья М. Гольдинштейн из Алма-Аты пытался пресечь грубость кировабадцев. Защитник «Кяпаза» Аллахвердиев за неоднократные удары по ногам сзади был предупрежден. Но в целом усилия арбитра были тщетными. Чуть ли не каждое решение не в их пользу кировабадцы дружно оспаривали, апеллировали к зрителям.

О том, как это происходило, можно судить хотя бы по такому примеру. В середине поля судья назначил штрафной в сторону ворот «Карабаха». Это решение почему-то вызвало возмущение у игрока «Кяпаза» Акопяна. После свистка он демонстративно выбил мяч за пределы поля, за что, естественно, судья показал ему желтую карточку. Что же тут началось! Футболисты «Кяпаза», возглавляемые опытным Алиевым, набросились на судью, а из

сектора, где сидели зрители из Кировабада, на поле полетели камни. Не лучше вели себя и тренеры гостей З. Гусейнов и А. Курбанов. С тренерской скамейки в адрес гостей то и дело раздавались грубые реплики. Пять минут потребовалось судьям и работникам милиции, чтобы навести порядок на поле. Но и после этого грубые столкновения продолжались до самого перерыва. Обстановка все больше накалялась.

Справедливости ради следует признать, что масла в огонь нередко подливал и арбитр, который строго не наказывал грубиянов, позволял им по-хамски вести себя на поле, ошибался и сам. Одна из судейских ошибок позволила хозяевам на исходе первого тайма открыть счет.

Страсти бушевали и в перерыве. Гости отказывались продолжать игру, а когда по требованию инспектора матч все-таки возобновился, то многие футболисты «Кяпаза» старались на столько отыграться, сколько причинить физическую боль сопернику. Особенно усердствовали Аллахвердиев, Рагимов, Исламов, Р. Гусейнов, Ф. Гусейнов. Остается только удивляться смелости Айрияна, Агаджаняна и других футболистов «Карабаха», которые, рискуя получить серьезные травмы, настойчиво рвались к воротам «Кяпаза». И своего добились, забив еще два мяча.

Только после этого игра несколько успокоилась. И появилась надежда благополучно довести ее до конца. Увы, финал оказался печальным. На 84-й минуте недалеко от штрафной «Карабаха» Аллахвердиев столкнулся с защитником Габриэляном, и тот умышленно разбил ему лицо. Судья, вместо того, чтобы удалить Габриэляна, ограничился лишь штрафным ударом. Футболисты «Кяпаза» словно бы ждали повода, чтобы оправдать свою грубость и откровенно слабую игру. Они ушли с поля.

Дальше — больше. Руководители «Кяпаза» необоснованно обвинили М. Гольдинштейна в том, что он будто бы судил в нетрезвом виде, сгоряча потребовали провести наркологическую экспертизу. Всем игрокам, за исключением вратаря, поставили «четверки» (!), а результат матча опротестовали. Когда старшему тренеру Гусейнову инспектор матча напомнил, что за необоснованный протест придется платить взнос в 500 рублей, то он ответил, что Кировабад — город богатый…»

Односторонне, конечно, подано. Зря автор изобразил «Кяпаз» источником всех бед. И тем не менее надо признать: это все — правда. Но это — не вся правда. Далеко не вся.

Страсти накалились еще до начала матча. «Кяпаз» тогда лишь на два очка отставал от лидера — команды «Локомотив» из Самтредиа, и нам просто позарез была нужна победа. Железнодорожники, между прочим, незадолго до нас играли в

Степанакерте и что-то уж подозрительно легко добыли победу… Нам же, как донесла «разведка», на легкую прогулку надеяться не приходилось. Помимо всего прочего, в то время существовало положение, когда худшая команда каждой республики, какое бы место она ни заняла в общем зачете, покидала вторую лигу. Так вот, азербайджанская федерация всеми силами пыталась «посадить» именно «Карабах», в составе которого играли только армяне. Не мудрено, что степанакертцы воспротивились назначению на принципиальный поединок с «Кяпазом» судьи из Азербайджана, хотя матчи между командами одной республики всегда обслуживали местные арбитры. И это еще больше подлило масла в огонь.

Словом, сложилась ситуация, когда игра велась не за два очка — победа стала делом чести.

Все это не могло кончиться так просто…

А тут еще назначенный Москвой арбитр не разобрался, в какое пекло он попал, и принялся по обыкновению посвистывать в пользу хозяев. В другой день это не привело бы к особым осложнениям, но тогда… Я пропускал тот матч из-за второй желтой карточки и, сидя на трибуне, прямо физически ощущал: вот-вот что-то начнется. Переполненный стадион, на котором к тому же примерно половину мест занимали болельщики из Кировабада, закипал…

Но даже эта заваруха не привела к межнациональным осложнениям! Более того, мне показалось, что некоторые карабахцы даже сочувствовали гостям — уж слишком явной была несправедливость на поле.

Между прочим, и ответная игра на поле «Кяпаза» тоже не стала поводом для выяснения отношений между армянами и азербайджанцами. Карабахцы приехали заранее готовыми к поражению, выглядели какими-то подавленными, удрученными, что ли. Мы забили им шесть мячей, сами «великодушно» пропустили два гола и отпустили «Карабах» подобру-поздорову…

Но, как оказалось, чисто футбольный вроде бы инцидент на уютном стадионе в Степанакерте был предвестником грозы.

Вскоре в Карабахе началась война.

Своим крылом она, разумеется, задела и спорт. Футболисты Азербайджана и Армении были вынуждены играть друг с другом на нейтральных полях, и все матчи словно по заказу завершились вничью. А потом и такие, полутоварищеские встречи проводить перестали. Команда Степанакерта была «сослана» сначала в подмосковную зону второй лиги, а потом в прибалтийско-белорусскую. Затем же она и вовсе оказалась вынужденной играть только на первенство Армении. Нахичеванский «Араз» отправили

соревноваться аж в Среднюю Азию…

Но все это происходило уже «без меня». Осенью 87-го я уехал из Кировабада. Не потому, что испугался — просто захотелось чего-то новенького. Предложений хватало, но я выбрал самое, как многим казалось, гиблое. Зато поступил так, как считал нужным. Короче говоря, два года я играл на первенство… Якутии.

Впрочем, это уже — тема другого разговора…

Другая жизнь майора Базавода (Январь 1992)

Наверное, немногие знают, что первым самарским футболистом, игравшим за рубежом, был Сергей Базавод. В течение двух лет он исправно забивал голы в первенстве ГДР.

Интервью с ним вряд ли попало бы в «ту книгу, если бы не одно обстоятельство: Сергей жил в ГДР как раз в то время, когда стало ясно, что «первое государство победившего социализма на немецкой земле» будет и последним. Он рассказывает не только о футболе…

На прощанье одноклубники устроили в честь Базавода банкет. И подарили ему, помимо всего прочего, фирменный спортивный костюм берлинского «Динамо». Но при том попросили: Теноссе Базавод, отпори, пожалуйста, эту ненавистную нам динамовскую эмблему…»

— Ну и как, отпорол?

— Честно говоря, нет. Я, правда, ни за одно «Динамо» никогда не болел, но уж больно костюм красивый…

— Сергей, давай начнем с самого начала. Как вышло, что тебя впору заносить в самарскую книгу рекордов?

— В футбол я играл всю свою сознательную жизнь. В школе, в военном училище, а потом — везде, где приходилось служить. Получалось вроде неплохо, но в команды мастеров не рвался. В восемьдесят шестом, после того, как мне довелось побывать и на Дальнем Востоке, и в Закавказье, направили в группу советских войск в Германии. Вот там-то всего через три года меня и заметили.

— Расскажи об этом поподробнее.

— Одна местная команда оказалась без иностранных игроков, хотя по существовавшему положению могла заявить двоих «легионеров». Поляки, прежде закрывавшие эти вакансии, вернулись домой, и тогда немцы предложили сборной нашей части товарищеский матч, такие своеобразные смотрины. Мы проиграли — 3:4, но меня и еще одного парня взяли на заметку.

— Что это была за команда? Какого ранга?

— Третий эшелон тогдашнего ГДРовского футбола. Там была такая система — Оберлига, то есть, высшая по-нашему, две зоны первой лиги Штаффель «А» и Штаффель «Б», а под ними — региональные турниры. Вот в одном из них я и играл — за команду спортклуба «Хольмезен» из Гросгрима. Во второй лиге, если по нашим меркам.

— Ты играл нелегально? Военный человек все-таки…

— Да нет, что ты. Немцы — люди пунктуальные, там подставка никогда в жизни не пройдет. В каждом клубе есть специальный человек, который ведет досье на всех без исключения игроков — где играл, вплоть до сборных ЖКО, сколько забил… У меня была карточка участника, моя фамилия упоминалась в газетах.

— Так это была профессиональная команда?

— Нет, скорее полулюбительская. У клуба было несколько команд, начиная с детских. В том числе и две взрослые. Вот за вторую футболист имел право играть, и не будучи заявленным. Когда у меня гостил младший брат, он без всяких формальностей смог выйти на поле и даже гол забил — так что на всякий случай самарские футбольные статистики могут и его взять на заметку. Ну а я играл в первой — главной — команде клуба.

— И какими были твои успехи?

— «Хольмезен» никогда не поднимался высоко в турнирной таблице, а с нашим приходом вышел сначала на третье место, а в следующем сезоне даже и на первое. Получил путевку в переходный турнир! Я в первом своем чемпионате забил 11 мячей, во втором — 8. Провел практически все матчи.

— Как тебя встретили в команде?

— Поначалу спокойно, но признали довольно быстро. Мы на первый матч вышли еще с одним «иностранцем» — моим приятелем Серегой Мартыновым, — и поначалу за игрой только наблюдали, без единого паса прозябали. А потом мне удалось в толчее у ворот соперника забить гол. Ну и тут нас обоих стали кормить мячами при каждом удобном и неудобном случае. Прозвище мне дали — «Майор». Чтобы со вторым Сергеем не путать… А потом произошел случай, после которого я почувствовал себя в команде своим человеком. У них был центральный нападающий — долговязый такой парень по имени Аксель. Неплохо умел головой играть, да уж больно двигаться не любил. Ну и начал ко мне цепляться: тут не совсем точно пас ему дал, там на метр в сторону… Однажды мы с ним по-серьезному в раздевалке схлестнулись. Так представляешь, команда встала на мою сторону! И вскоре я начал выходить на поле с «десяткой» на спине. С номером, под которым прежде играл Аксель…

— Иными словами, как футболиста они тебя приняли. А как относились к тому, что ты — офицер чужой армии?

— Откровенно говоря, общаясь с немцами, я в первую очередь чувствовал себя футболистом. И поэтому, хоть с языком у меня было не ахти как здорово, мы прекрасно понимали друг друга. В команде у меня не возникало никаких проблем. В том

числе и тогда, когда начался распад ГДР. Простились знаешь как тепло…

— О политике мы еще поговорим. А пока — давай немного об игре. Как к тебе относились соперники, судьи? В какой футбол ты играл?

— Там действуют жестко, но не скажу, чтобы грубо. Правда, когда вышли в переходный турнир, борьба уже шла более ожесточенная, но риск получить травму все равно был меньше, чем у нас. Хотя бы потому, что там мы играли только на идеальных газонах. Наш Гросгрим, например, найдешь не на каждой карте, а знаешь, сколько в этом городке футбольных полей? Двадцать шесть!

— Ну а судьи что?

— Убийственных «сплавов» не помню. Может потому, что ставка у нас была меньше, чем жизнь? Да и к себе предвзятого отношения я ни разу не чувствовал. Когда меня срубали — чаще всего судьи назначали пенальти. Я правила нарушал — тоже свистели. Один раз только меня арбитр простил. Соперник основательно врезал мне по ногам, я упал ну и… Короче, сказал все, что я думал по этому поводу — на родном языке, с употреблением кое-каких крепких слов, разумеется. Смотрю, а арбитр укоризненно так головой качает и улыбается. Знал, видимо, перевод. Но, хоть там с бранью и борются, даже «горчичник» не показал. Двадцать марок я тогда сэкономил.

— То есть?

— Это — штраф за красную карточку. За желтую — в два раза меньше. Так что я на всякий случай всегда на матч с деньгами приезжал.

— А клуб что, не мог заплатить?

— Нет, это же индивидуальный штраф. Клуб брал на себя кое-какие другие обязательства. Мартынову, например, во время одной из игр рассекли бровь. Так швы ему наложили бесплатно. В конце второго тайма появился на стадионе как огурчик.

— А вообще ты заработал что-нибудь благодаря футболу? «Совинтерспорт», насколько я знаю, твоей персоной не интересовался…

— Нам платили не за победы, а за забитые голы. Но бомбардир всегда пускал шапку с премиальными по кругу. Все вспоминали, кто отдал предпоследний пас, кто на своей половине отобрал мяч… Или же вратарь говорил, что это именно он начал толевую атаку ударом из штрафной. Да и вообще парни относились к премиальным не слишком-то серьезно. И я брал с них пример.

— То есть главным для тебя был процесс, а не результат. Да?

— Футбол, конечно, это не такое простое дело. Но для меня каждый матч все равно был праздником. Играли по выходным, на стадион приходило довольно много народу — по несколько сот человек. У всех — отличное настроение, люди улыбаются… Объездил с командой всю округу — тоже ведь интересно. Ни у кого в части такого досуга не было — в назначенное время в военный городок заезжал либо главный тренер на своем «Варбурге», либо его жена на «Мазде». И с этого момента кончалась моя армейская жизнь и начиналась совсем-совсем другая. Когда команда отправилась на матчи переходного турнира, за мной аж на «Икарусе» приехали…

— Представляю, как завидовали тебе в части.

— Может быть. Но ведь я проводил свой выходной так, как считал нужным. Только и всего. Нет, если бы кто-то захотел мне напакостить, то, наверное, смог бы лишить меня футбола. Но, понимаешь, в Германии жизнь более благополучная и спокойная, так что люди завидуют друг другу не настолько остро как у нас. Даже в армии.

— Да ради футбола ты мог бы, наверное, и нарушить армейскую дисциплину…

— Бывало… Например, возвращались мы с полигона, и я никак не успевал к началу телерепортажа с участием нашей сборной. Знаешь, что сделал? Поставил на марше свою машину последней в колонне, помаленьку отстал, потом рванул другим путем и влетел в нашу ленинскую комнату одновременно со стартовым свистком судьи… Вот о чем до сих пор жалею — «Хольмезен» уже после объединения Германии пригласили на однодневный турнир на территории бывшей ФРГ. И я не рискнул поехать с ребятами. Возможно, никто и не узнал бы. Но это по армейским меркам — проступок серьезный.

— Тебе довелось быть в Германии в интересное время. Испытал это на себе?

— Немного да. Честно говоря, и прежде наша армия нередко вела себя так, что просто не могла вызвать симпатии немцев. То солдаты дачу обворуют, то танк на марше газон «случайно» разворотит, то еще что-нибудь. Это, естественно, рождало ответную реакцию. До поры до времени, пока существовала «нерушимая дружба советского и восточногерманского народов», противостояния почти не ощущалось. У каждой части были шефы, они приезжали в гости, давали концерты, мы обменивались подарками… Причем поверь, что иногда это делалось совершенно искренне, а не, по каким-то политическим соображениям. Но после того, как изменилась обстановка, исчезло и то доброе, что действительно связывало нас. Общаться с русскими стало,

видишь ли, «нецелесообразно». Как у нас в свое время — с «врагами народа».

— А как сказались все эти изменения на футбольной жизни?

— Знаешь, примерно так же, как и у нас. В два раза увеличили цены на билеты. Все стали лихорадочно искать спонсоров, какие-то способы зарабатывать деньги. Во время выездных матчей я не раз наблюдал такую картину: по радио делали объявление о том, что команда хозяев нуждается в помощи, и болельщики делали пожертвования в клубную казну. Одни клубы разорились, другие стали наоборот набирать силу. Много переименований — скромненькая команда из города Гробен, например, стала громко именоваться «Айнтрахтом». Ну еще форма стала лучше — появилось много фирменной.

— Как тебе кажется: немецкий футбол — вне политики?

— Не думаю. Нынешняя нашумевшая история с сотрудничеством некоторых игроков бывшей ГДР с тайной разведкой «Штази», о которой я узнал уже дома, разве это — не политика?

— Наверное, ты прав. А в твоей команде что изменилось?

— Трудно сказать. В основном бытовые мелочи накопились. Например, прежде, когда мы входили перед игрой в раздевалку, для нас уже была подготовлена выстиранная и выглаженная форма, у клуба был договор с прачечной. А потом это стало дороговато. Но выход нашли самый простой. Те же деньги мы решили вскладчину платить жене одного из футболистов, и наш комфорт нарушен не был…

— Ну в этой стране тебе кроме твоей собственной жены форму никто стирать не будет.

— Это точно. Когда наша часть из Германии уходила, я, признаюсь, отнесся к этому без особого энтузиазма. Чего уж, хоть дома бывал нечасто, особой ностальгии не чувствовал. А тут — сразу же на перроне Белорусского вокзала столько «свежих» впечатлений, что сразу стало грустно… Впрочем, нервы у меня крепкие и освоился я, конечно, быстро. Одно обидно — играю за часть на первенство одного из сельских районов Самарской области — так ни календаря нет, ни турнирного положения толком никто не знает, а поля…

У прибалтов — собственная гордость (Февраль 1992)

В январе 91-го, когда весь мир только и говорил что об Ираке да Прибалтике, а многие советские газеты выходили разве что без лозунгов «Дело Саддама Хуссейна и Дмитрия Язова правое, победа будет за нами!» — так вот, как раз в это тревожное время я оказался в Риге. И продиктовал оттуда в родную газету вот такой репортаж.

Программе «Время» не время верить:

Вообще-то я здесь по делам баскетбольным. Сейчас, во вторник вечером (15 января — А.Э.), когда удалось-таки дозвониться до редакции, «Строитель» должен был начать матч с рижским ВЭФом. Но вчера мы узнали: игра отменена. У баскетболистов на счету каждый день, так что они отправились домой первым же поездом. Но я выглядел бы довольно смешно, если бы начал спешно паковать чемоданы, волею судьбы оказавшись в центре такой заварухи. Из гостиничного окна видны баррикады.

* * *

…Отменили не только баскетбол. Нет занятий в школах, техникумах и вузах, раньше обычного закрылись рестораны и кафе, пустуют концертные залы (кстати, в Риге, которая всегда манила артистов, сейчас гастролирует лишь один коллектив — Новокузнецкий театр драмы).

Вчера должен был состояться бенефис КВНовской команды Рижского государственного университета. Его отменили тоже. Риге сейчас не до смеха.

* * *

Здесь готовятся к худшему. Город напрягся в ожидании танков с Востока. Чуть ли не в каждом

проулке стоят здоровенные груженые лесовозы, панелевозы, тягачи. Достаточно минуты — и все главные магистрали города, а также мосты будут перекрыты.

Особенно много таких машин у здания Латвийского Совмина. Здесь — и самый многолюдный пикет. Даже во втором часу ночи тут оставались сотни рижан, готовых защищать свое правительство. Их, да и всех прохожих, угощают бесплатным чаем. Люди поют песни, многие слушают транзисторные приемники. Жгут костры…

Та же картина у башни рижского телецентра. А вот у здания Дома печати все спокойно: омоновцы еще в начале января вернули КПСС ее «законное" имущество, так что «левые» газеты не выходят в Риге все равно.

* * *

Насколько обоснована тревога рижан? О вильнюсских событиях здесь говорят на каждом шагу. Причем далеко не то, что нам приходится слышать в программе «Время». Нет, комментарии ведущих латвийского и особенно ленинградского ТВ более доказательны и убедительны. Здесь демонстрируют кадры, которые сняли шведские и германские тележурналисты. Их смотрит весь мир. Женский зонтик под гусеницей танка. Два трупа рядом — красивые молодые ребята: десантник и парень из Вильнюса. Даются переводы радиопередач с литовского. Ни о каком подстрекательстве не может быть и речи. Но кровь льется… Может ли Рига спать спокойно?

* * *

— Ну чем мы так провинились, что нас окружили со всех сторон? — истерично кричал в автобусе подвыпивший местный житель. — Это все русские! Убирайтесь! Чемодан — вокзал — Россия! Никто из пассажиров не откликнулся. Только водитель произнес в микрофон с заметным латышским акцентом: — Дядя, ты все-таки не на базаре.

А мой попутчик, сам по национальности русский, заметил:

— Да нет, хоть нас и латышей пытаются лбами

столкнуть, все пока мирно. Таких типов ты можешь не бояться.

Наверное, противостояние здесь не между русскими и латышами. Оно — между Ригой и Москвой.

* * *

Цены скачут чуть ли не ежедневно…

* * *

А в остальном… В Риге все так же чисто, и горожане по-прежнему останавливаются перед красным сигналом светофора, даже когда машин не видно за версту. Здесь женщинам еще уступают дорогу и почти не матерятся.

В магазинах все по визиткам, но если не ломиться к прилавку с вытаращенными глазами и не пытаться скупить абсолютно все, то нужную вещь приобретет и приезжий. И все разговоры о том, что людям из России показывают не ту дорогу, это и вовсе, извините, чушь собачья.

Словом, рижане пытаются жить так, как считают нужным. И дай Бог, чтобы им это удалось.

(По телефону)

Похоже, это им действительно удалось.

Вновь Рига. Тоже январь, но уже девяносто второго. Прошел всего лишь год, и независимость, в которую еще вчера не верили даже те, кто искренне желал прибалтам добра, стала явью. Красный флаг безвозвратно уступил свое место красно-белому — латвийскому. Переименовано почти все, что хоть каким-то образом связано с пятидесятью годами новейшей истории республики.

Но все это, конечно, лишь видимая часть айсберга — не самая объемная и уж во всяком случае не самая главная. Многое меняется исподволь, и для стороннего наблюдателя это до поры до времени не слишком-то заметно.

В латвийском спорте, например, еще до февраля 92-го чисто внешне почти все было так же как и всегда. Без особых успехов, но и без всяких приключений доиграли в первенстве СССР сезон-91 футболисты, хоккейное рижское «Динамо» хоть и успело дважды за полгода поменять название, речи о «независимости»

даже не заводило. А баскетболисты ВЭФа и вовсе блеснули на старте чемпионата 91/92 десятью победами подряд.

Рига вела, пожалуй, более разумную спортивную политику, чем Вильнюс и Таллинн — здесь не разрушили ни одну команду, не бойкотировали ни одно соревнование, ни один спортсмен ни разу не получил «сверху» политического ЦУ.

Однако же рано или поздно этот переходный период все равно должен был завершиться.

И вот, восьмого февраля 1992 года, когда грянул парад открытия Олимпиады, вся планета увидела гордо вышагивавших спортсменов суверенной Латвии!

Латвийский спорт начинает новую жизнь.

Из рассказа Микелиса Рубениса, заместителя исполнительного директора федерации футбола республики.

— Нашему спорту действительно удалось пройти переходный период достаточно гладко. Правительство не ставило никаких условий — каждый сам мог выбирать, за сборную какого государства выступать. Были, конечно, радикалы, давно настаивавшие на полном разрыве спортивных связей с Союзом, но те, за кем оставалось последнее слово, исходили из здравого смысла, а не из сиюминутных политических амбиций. Во всяком случае, если решение по «Жальгирису» принимал Верховный Совет Литвы, то у нас даже в ключевые вопросы политики не вмешивались… Кстати, поэтому латвийское правительство не очень популярно — ведь время хлестких слов и резких ходов пока не миновало, а наши руководители все равно предпочитают иную тактику. Между прочим, несмотря на огромные финансовые трудности, большой спорт получал дотации — наша олимпийская делегация оказалась, к примеру, более представительной, чем литовская и эстонская.

Хорошо, конечно, что политики хоть иногда оказываются в состоянии разумно распорядиться своей властью. Но какими бы мудрыми они ни были, спорту все равно не дано обрести независимость. Тем более сейчас, когда едва ли не любой конфликт очень быстро принимает именно политическую окраску.

Так было и в нашумевшей истории с командой РАФ из Елгавы, которая лишь ценой огромных усилий смогла отстоять свое законное место во второй лиге советского — тогда еще — футбола.

Это была типичная для нашего спорта и, как водится, не слишком-то красивая история. Столичная «Даугава», в середине восьмидесятых обжегшаяся на самом пороге в высшую лигу, сохранила прежние амбиции, но порядком обмелела — и

игроками, да и средствами тоже. А в каких-то сорока километрах от Риги набирал силу футбольный клуб елгавского автозавода. Созданный за пару лет до конфликта «всего лишь» как подспорье главной команде республики, он не просто добился самостоятельности от «монополии», но и вознамерился заменить «Даугаву» на республиканском троне. Вот две команды и принялись выяснять отношения за пределами зеленого поля.

Федерация футбола Латвии, испокон веков в первую очередь занимавшаяся рижским клубом, никак не собиралась менять свою ориентацию. Ведь, помимо всего прочего, футбольное вече республики возглавлял С. Лесков, президент концерна «Пардаугава», ставшего спонсором главной команды Латвии. Нужен ли ему был энергичный и нахальный конкурент? В то время, как для игроков «Даугавы» пределом мечтаний оставалось автобусное путешествие в Польшу, футболисты Елгавы невозмутимо летали себе на товарищеские игры в куда более заманчивую Швецию… Это был вызов!

И федерация футбола Латвии сделала все возможное, чтобы закрыть РАФу дорогу хотя бы на всесоюзную арену.

Подобные «коммунальные» склоки годами тянутся на футбольных «кухнях» многих городов, областей или республик. И посторонние обычно интересуются всей этой возней с прохладцей. Но «рижско-елгавская» междоусобица вызвала всеобщее внимание — она моментально приняла политический оттенок. А много ли сыщешь/ сейчас людей, равнодушных к политике?..

Об этом конфликте я говорил в Латвии со многими людьми из футбольного мира. И практически каждый, признаваясь в своих симпатиях к той или иной стороне, пользовался отнюдь не спортивными аргументами. Мол, тогдашний директор РАФа и «крестный отец» елгавской футбольной команды Боссерт — человек пришлый, а Лесков — коренной рижанин… РАФ — завод, ориентирующийся на Москву, а «Даугава» — это, дескать, гордость республики… Боссерт «заявлял, что латыши в состоянии заниматься только фестивалями песни — ему, стало быть, уже за одно это надо по рукам дать… В конце концов, спор РАФа и «Даугавы» — это все равно что выяснение отношений между Народным фронтом и Интердвижением…

А еще подлило масла в огонь сделанное в довольно нахрапистой форме предложение директора РАФа о слиянии двух команд — автозавод готов, был купить обнищавшую «Даугаву», но при условии, что она сменит название. Чуть позже волна подобных переименований захлестнула наш спорт, и новоиспеченные асмаралы замелькали во всех лигах. Не избежала

этой участи, кстати, и рижская команда, выступавшая в сезоне-91 под именем «Пардаугава». Но в то время, когда примерно о том же самом говорил Боссерт (а его некоторые латвийские газеты гораздо раньше записали чуть ли не во враги нации), это вызвало настоящий всплеск возмущения. А ведь речь шла тоже всего о трех буквах…

Словом, можно долго рассказывать о том, как проходило тягостное и нудное разбирательство в латвийском футболе. Дело кончилось тем, что законное право РАФа играть в первенстве страны подтвердил суд. Елгавская команда, правда, после всех этих передряг не блеснула, но в отличие от «Пардаугавы», с треском вылетевшей из первой лиги, хотя бы сохранила свои позиции.

Ну, а сезон-92 обе заочно враждовавшие команды проведут в одном турнире — в чемпионате суверенной Латвии.

Из рассказа Ивара Бриверса, члена федерации футбола республики.

— Это будет исторический для нашего футбола сезон: две команды смогут дебютировать в розыгрыше еврокубков. И еще — мы станем свидетелями настоящего чемпионата Латвии! В высшей лиге на старт выйдут двенадцать команд, в каждой из них сможет играть один иностранный футболист. Ревизионная комиссия уже провела проверку, и, по нашим представлениям, почти все футболисты, выступавшие в первенстве республики в прошлом году, имеют право принять участие и в этом чемпионате. У нас даже негр один есть — Кахану, из Ганы. Говорит, вместе со знаменитым Абеди Пеле начинал…

Наверное, ревизионная комиссия поработала на совесть. Провела как раз ту работу, которую и должна была провести. Но со стороны это выглядит, признаться, немного странно: еще не принят латвийский закон о гражданстве, а футболистов уже делят на «своих» и «чужих». Будто бы скромненькие местные клубы только и делали, что раскошеливались на покупки иностранных «звезд»… Да и в какой еще стране для футболистов-«легионеров», установлена столь худосочная квота?

…Передо мной — самая обычная на вид футбольная программка, выпущенная в Таллинне в июле 90-го. На игру Эстония — Латвия, приуроченную к пятидесятой годовщине последней встречи сборных этих стран на уровне национальных команд. Но это был удивительный, для нынешнего времени просто уникальный в своем роде матч, ведь организаторы условились, что на поле выйдут только… чистокровные латыши и эстонцы! А еще в довоенные годы в той же сборной Латвии блистали футболисты с такими «чужими» фамилиями, как

Соколов, Свистуненко, Павлов…

Я уж не говорю о соображениях элементарной этики. Но ими, увы, руководствуются не всегда.

Из рассказа Александра Гостева, главного тренера баскетбольной команды СКА (Рига).

— В принципе, конечно, любой здравомыслящий человек может только приветствовать то, что Прибалтика возвращается в цивилизованный мир. Но перекосов хватает и у нас. Например, осенью 91-го вдруг началась шумиха вокруг отзыва местных баскетболистов из моей команды — мол, не пристало прибалтам играть в этом армейском клубе. В результате мы остались по сути дела без баскетболистов и на одном из туров первенства честь нашего клуба защищали… дублеры ЦСКА. Ну разве это разумно? У СКА — спортивная биография, которой можно только гордиться, да и в конце концов, в тридцатые годы одной из сильнейших рижских команд тоже была именно армейская.

По иронии судьбы, бессменным футбольным чемпионом Латвии в годы оккупации республики немецкими захватчиками была как раз команда СКА. Но эти три буквы стали вызывать отрицательные эмоции только сейчас…

Что ж, наверное, ко всему надо относиться с пониманием. Срабатывает «закон маятника» — когда-то, он качнулся в одну сторону, теперь вот ему пришла пора, миновав точку равновесия, устремиться в другую. И пока маятник будет раскачиваться, кому-то неминуемо придется маяться…

Но без этого, наверное, нет движения вперед…

Прибалтика мечтает как можно скорее догнать умчавшихся вперед западных соседей. Ну, на худой конец, хотя бы в чем-то стать похожей на них. И футбол — одно из средств для этого.

Создание (а точнее, возрождение) сборной — это ведь не просто созыв сильнейших игроков республики в один коллектив. Это — умение в любой момент быть готовыми к приему десятка тысяч иностранных туристов. Это — обязательство построить современный пресс-центр. Это — необходимость заиметь хоть одно в республике футбольное поле европейского уровня… Словом, футбол превращается в настоящий двигатель прогресса. Годами велись, например, бесплодные разговоры о том, что газон на стадионе «Даугава» надо бы обновить, а вот в интересах сборной сразу отважились пригласить специалистов аж из Израиля.

Того дня, когда сборная проведет свой первый официальный матч, здесь ждут с огромным нетерпением. Хотя иллюзий никаких, похоже, не строят.

Из рассказа Микелиса Рубениса:

— Часто приходится слышать один и тот же вопрос: а какая задача ставится перед сборной Латвии? Я в таких случаях всегда усмехаюсь — вот она, исконно социалистическая постановка вопроса. Ни перед Беккенбауэром, ни перед Платини никогда никто не ставит никакую задачу! Надежда — да, но это же совсем разные вещи! Мы не собираемся планировать нашей сборной какой-то определенный результат. Просто надеемся, что она покажет достойный футбол, и хотя бы в домашних матчах окажет сопротивление даже фаворитам…

Признаться, со стороны трудно представить себе, что даже столь скромные надежды сбудутся. Уж слишком неброско выглядела футбольная Латвия даже на всесоюзных соревнованиях… Но все это забыто — пока республика полна оптимизма.

В ноябре 91-го состоялся футбольный турнир сборных трех прибалтийских республик — событие первостепенной важности для Латвии, Литвы и Эстонии. Все очевидцы взахлеб, с какой-то трогательной восторженностью говорят одно и то же: вот это был футбол! Игроки, впервые в жизни защищавшие спортивную честь своих стран, бились не щадя себя, боролись с такой самоотдачей, что за одно это им можно было простить любые ошибки! «Смотрел бы и смотрел такой футбол!» — признался один из болельщиков. Россиянам, которых приучили видеть перед собой только масштабные, глобальные задачи, это, возможно, и непонятно. Не самый, мол, представительный турнир в мире, никакими рекордами не отмеченный — чем же, стало быть, гордиться-то? Но у прибалтов — собственная гордость. Они вот получают удовольствие и от таких, «камерных», на наш взгляд, мероприятий. Но кто сказал, будто мы все должны иметь одинаковые критерии оценок? Разве же еще не прошли те времена, когда всем полагалось шагать и думать в ногу? Осмелюсь лишний раз повторить то, что было второпях, но, похоже, довольно точно сказано в том «баррикадном» репортаже, с которого я начал эту главу: прибалты стремятся жить так, как считают нужным. И дай Бог, чтобы им это удалось…

…Ах, с каким удовольствием я завершил бы этот рассказ примерно таким пассажем. Мокрая прибалтийская зима. Старая Рига. Стайка пацанов, самозабвенно гоняющих мяч в уютном тесном дворике…

Но нет — хоть и бродил я часами по неповторимой Риге, но ничего подобного так и не встретил.

Что ж, может, эту картинку еще доведется увидеть через год-два? Если, конечно, удастся получить латвийскую визу. Или без нее? Даже не вспомнив, что на свете существовали границы,

таможни, а? Зачем все это, в сущности, футболу…

Поджигателей не судят… Но караван идет! (Февраль 1992)

В забегаловке на самарском крытом рынке чай подают в блюдцах — нет стаканов. Чтобы в номере гостиницы «Чирчик» (это в одноименном городе в Узбекистане) можно было послушать радио, репродуктор надо в центре комнаты положить на спинку кресла — радио- и электророзетка находятся в противоположных углах. Авиабилет из Вильнюса в Самару стоит в пять раз дороже, чем из Самары в Вильнюс…

Да что говорить, весь наш путь, от дверей роддома и до кладбищенских ворот — это сплошная цепь унижений, оскорблений и издевательств. Терпи, страна развитого беспредела!

Единственная — и уникальная на планете! — привилегия, которой наша система щедро одарила едва ли не каждого из своих рабов (а может, творцов?) — это возможность почти безнаказанно делать окружающим мелкие или крупные гадости.

Почти каждый гражданин, проживающий «от Москвы до самых до окраин», держит в своих руках своеобразный бикфордов шнур, с помощью которого он в любой момент готов напомнить о себе миру. Да, впрочем, не для иностранцев же в конце концов пишется эта книга…

Конечно, наивно надеяться, что футбол может стать в таких условиях зоной чистоты и невинности. В самой природе этой игры уже заложен конфликт — кто-то проигрывает и сходит с дороги, кто-то прибегает к судейской помощи и тем восстанавливает против себя новых соперников, кто-то собственные убогость и беспомощность компенсирует грубостью. Тут уж никуда не денешься — такое было, есть и, видимо, будет во всех без исключения странах, где крепкие парни по одиннадцать человек в каждой команде ведут спор за победы и деньги…

Когда идет напряженная игра, бикфордов шнур всегда змеится по трибунам. И это тревожно. Но когда роковую спичку зажигают за пределами стадиона, становится просто страшно.

А как легко высечь первую искру! Это вообще можно сделать походя, даже и не вынашивая планов затевать пожар.

Вот фрагменты интервью главного тренера львовских «Карпат» С. Юрчишина, которое он дал газете «Футбольный курьер». Прочитайте повнимательнее.

«— В домашних матчах с динамовцами Гянджи и «Карабахом»

ваши подопечные играли очень грубо. Что это — стиль игры, тренерская установка или инициатива футболистов?

— Вы просто не были в Гяндже и Агдаме на наших играх первого круга. Вообще-то «Карпаты» отнюдь не жесткая команда, даже наоборот. А в этих играх ребята, можно сказать, мстили за то, как с ними обращались на полях Азербайджана. Извините, но какой это футбол, когда все 90 минут хозяева занимаются методичным избиением игроков гостей. В Гяндже по ногам лупили так, что казалось, придется ехать домой упакованным в гипс… Арбитр свистел, естественно, в одну сторону.

— А болельщики?

— По-моему, людей, собравшихся на стадионах Агдама, Казаха, Гянджи, болельщиками назвать очень сложно. Они больше похожи на фанатиков, которые считают, что их команда должна победить любой ценой. Сами футболисты недостаток мастерства стараются компенсировать грубостью…

— Как вы оцениваете работу арбитров в Западной зоне?

— Судейство здесь такое же, как и везде. Бывает, что подсвистят, иногда просто ошибаются. Но в целом особенных изъянов в работе арбитров не так уж и много. Но опять же, когда играешь с азербайджанскими клубами… Там только на деньги и рассчитывают.

— Арбитры продаются. Но ведь кто-то же толкает их к этому?

— Если брать Западную зону, то, по-моему, честных команд здесь нет…

— «Карпаты» в этом случае не исключение, Степан Федорович?

— В футбольной жизни иногда бывают ситуации, когда приходится подчиняться сложившимся традициям и добиваться цели теми же средствами, какими орудуют твои соперники…»

Вот она — типично «нашенская» объективность, как ее определяет Михаил Жванецкий: абсолютно верное и правдивое толкование событий, но… только с одной стороны. О проделках и кознях «своих» команд и арбитров тренер говорит снисходительно, почти даже по-доброму — ну, трошки подсвистит судья, ну, сдаст командочка игру — так ведь мы же все свои хлопцы, сочтемся… Зато — едва только речь заходит об «инородцах», как тон повествования сразу меняется — становится обличительно-негодующим, гневным. Хотя, думается, своим последним высказыванием тренер начисто лишил себя морального права на это «прокурорство».

Ведь есть же одна старая-престарая истина: нельзя быть чуть-чуть беременным…

Да, «температура» на спортивных аренах разных городов

колеблется весьма заметно: она зависит от политического и экономического «климата», темперамента местных жителей, показаний турнирного «барометра», наконец. Но ведь с часовыми поясами меняется только форма проявления, но никак не существо наших «атмосферных» футбольных процессов.

Вряд ли есть такая уж разница между мелким жуликом, умыкнувшим у ближнего трояк, и похитителем-аристократом, облегчившим государственную казну на миллион. Так что не стоит, наверное, одному из них тратить усилия, дабы пристыдить другого…

И уж во всяком случае никак не годится одним росчерком пера зачислять в «фанатики» абсолютно всех болельщиков из «не понравившихся» городов. В хорошие времена на трибунах того же Агдама или Казаха собиралось все окрестное мужское население, футбол здесь, в глубинке — единственная радость в окошке. Люди приезжали на матчи за десятки километров… Так что же — все это были сплошь бандиты?

Между прочим, столь красочно рассказав о злоключениях его команды в Гяндже, Степан Федорович «забыл» упомянуть о результате матча. А игра, кстати, завершилась вничью. Люди, даже немного знакомые с футболом второй лиги, подтвердят: уж здесь-то, в отличие от соревнований более высокого уровня, арбитр всегда обеспечит нужный (чаще всего хозяевам) результат — настолько развязаны у него руки…

Да дело даже и не в этом. Что бы там ни было, но нельзя забывать: болельщики — народ впечатлительный, ранимый, обиду, нанесенную их любимой команде, они готовы воспринять как собственную. И в них так легко пробудить жажду мести, в этом случае — мести по национальному признаку…

Единение людей во время спортивных состязаний — великая сила. Такое испытывал каждый болельщик — многотысячный стадион словно вскипает, и одна на всех радость переполняет сердце. Или наоборот — трибуны растерянно и как-то беспомощно затихают и скорбят — да-да, поверьте, именно скорбят — из-за неудачи.

Когда сердца бьются в унисон — это прекрасно.

Но болельщиков может сплотить и другое чувство.

Одного оскорбительного непристойного жеста, который позволил себе после окончания матча в Ужгороде игрок луганской «Зари» Олег Волотек, оказалось достаточно, чтобы рассерженные любители футбола надолго заблокировали раздевалку его команды. Только к полуночи гости добрались до гостиницы и смогли спокойно отпраздновать победу.

Распалить и «завести» определенную часть болельщиков —

задача не из трудных, особенно сейчас. И у нас уже появились «специалисты» по этой части. Люди, которые прекрасно знают, какую пользу может принести им «пожар» на трибунах.

В центральной прессе не раз писали, что главный тренер команды «Нефтяник» (Фергана) Ю. Саркисян «по совместительству» является еще и… дирижером группы наиболее агрессивных посетителей трибун. Оскорбления, камни, летящие в игроков гостей во время матчей, всякие стычки давно стали здесь привычным делом. Сейчас, наверное, и не подсчитать, сколько неправедных очков набрал «Нефтяник» благодаря обстановке на своем стадионе. Но хозяева команды, видимо, довольны — премиями и прочими благами одаривают футболистов исправно. Но ведь если бы «шефов» волновало, какими средствами добываются победы, то «подопечные» наверняка позаботились бы в первую очередь об игре. А так — что искать добра от добра?..

Подобные группы поддержки создают и в других городах. Чаще всего — там, где и без футбола хватает напряженности. В этих местах торжество беззакония не омрачено ничем, а жизнь давно отучила людей хоть немного задумываться о выборе средств… Любая война рождает и поощряет мародерство, вот у нас уже появились и мародеры от футбола. Эта пятая колонна почти не знает поражений!

Одержала победу она и в Андижане.

Вот что рассказал об этом «Советский спорт» 5 мая 1990 года.

«Все областные газеты оповестили население о том, что 2 мая состоится товарищеская встреча между футбольными командами «Спартак» (Андижан) и «Пахтакор» (Ташкент). Футбольный и околофутбольный люд ликовал…

В назначенный срок футболисты «Пахтакора» по неизвестным причинам в Андижан не прибыли. Заранее зная о возможном срыве матча, администрация футбольного клуба «Спартак» продолжала продавать билеты даже в день игры. Более того, нашлись ловкачи, «толкавшие» входные билеты непосредственно перед началом матча по двойной-тройной цене. Это еще больше распалило несколько часов ожидавших зрителей.

В 16.00 президент клуба «Спартак» Ш. Исаков попытался объяснить причины срыва матча и предложил собравшимся провести тираж лотереи, в котором главным призом была автомашина ВАЗ-2106. В ответ на это некоторые разгоряченные болельщики хлынули на поле, стали бросать бутылки, камни в членов лотерейной комиссии, попытались учинить расправу над администрацией стадиона.

В дальнейшем конфликт перерос в массовые беспорядки. Было

сожжено несколько автомашин, в том числе и предназначавшаяся для розыгрыша, разгромлены и сожжены административные помещения стадиона. Не удовлетворившись этим, возбужденная толпа, состоявшая в основном из молодежи и подростков, направилась к зданию областного комитета партии, поджигая по пути киоски «Союзпечати», торговые палатки по продаже мороженого, газированной воды, молочного коктейля. С призывом образумиться обратились к собравшимся на площади работники партийных и советских органов. Безрезультатно. Голос разума заслонили эмоции. Прозвучали угрозы расправиться с выступающими. В окна здания обкома партии полетели камни…

Почувствовав безнаказанность, разбушевавшиеся хулиганы направились на проспекты Навои и Свободы, начали бить стекла магазинов, административных зданий, жилых домов, устраивать поджоги и погромы. В результате было уничтожено 13 магазинов, в том числе двухэтажное здание универмага, магазины спорттоваров, ювелирных изделий, гастроном, сберегательная касса, 46 мастерских, 20 киосков. Сгорело 32 жилых дома, принадлежащих гражданам на правах личной собственности. Подожжено около 20 автотранспортных средств.

По предварительным данным, за медицинской помощью обратились 44 человека. Из них 13 госпитализированы. Двое находятся в тяжелом состоянии.

Инцидент, происшедший на андижанском стадионе, не первый. Случались здесь и ранее хулиганские выходки, на трибунах царил нездоровый ажиотаж. Частенько молодые болельщики провоцировали беспорядки, создавали при попустительстве властей нездоровую обстановку… В большинстве случаев зачинщики беспорядков не устанавливались и оставались безнаказанными…

Люди справедливо задают сейчас вопрос: как такое могло случиться в области, сильной своими интернациональными традициями, где десятки лет рука об руку живут и трудятся представители 90 национальностей? Нет пока полного объяснения происшедшим беспорядкам. Но и ссылки на случайное стечение обстоятельств несостоятельны…»

Что верно, то верно. Очевидцы андижанского побоища убеждены: нет, не стихийное бедствие обрушилось в тот праздничный день на головы ни в чем не повинных горожан. 6 горном деле есть такой термин: «направленный взрыв». Вот и здесь «мастера-добытчики» не только умело подняли взрывную волну страшной разрушительной силы, но и заранее определили направление безжалостного удара.

Отнюдь не все подряд громила и жгла озверевшая

андижанская пацанва. На стадионе в первую очередь разграбили то помещение, где должны были находиться деньги — сотни тысяч рублей, вырученных от продажи входных и лотерейных билетов. Все «32 сгоревших дома, принадлежащих гражданам на правах личной собственности» занимали не «обычные» горожане, а богатые армяне и евреи. Что же касается штурма ювелирных прилавков, то андижанцы до сих пор убеждены: товар оттуда был предусмотрительно вывезен загодя…

А впрочем, обо всем этом можно было бы и не распространяться. Достаточно сказать одно: страшная андижанская трагедия настолько похожа на те, что разыгрывались в Оше и Фергане, словно их задумывали одни и те же люди.

Люди?!..

Хочется надеяться, что авторы этих кошмарных драм ответят за свое творчество. В Андижане, впрочем, одного виновника нашли и наказали сразу — футбол. Местная команда мастеров сначала проводила домашние матчи на нейтральном поле, но и сейчас, когда срок дисквалификации давным-давно истек, играет практически без зрителей — вы не встретите в городе ни одной афиши, приглашающей на стадион. Теперь уж неприятностей наверняка не будет…

Что говорить, если все матчи станут проводить в гробовой тишине при пустых трибунах, едва ли возникнут хоть какие-то осложнения. Но будет ли от этого лучше и спокойнее наша жизнь? Да нет, конечно, футбольный «бикфордов шнур» заменят каким-нибудь другим, а миллионы людей останутся в проигрыше. Игра — она ведь не виновата, она в лучшем случае повод, но никак не причина большинства инцидентов, о которых мы ведем речь.

Наоборот, футбол надо беречь и пестовать. И защищать от всех этих напастей, под гнетом которых он так быстро теряет свою былую привлекательность.

Вот только одно — как оберегать-то?

Наверное, правильно поступает московская милиция, устраивая перед началом матчей почти таможенный досмотр болельщицкой ручной клади — благодаря этому на трибуны не попадает изрядное количество антифутбольной контрабанды. Очевидно, разумно сделали в узбекском городке Касансае, да, кстати, и не только там — спортсмены, словно тигры на арене цирка, с недавних пор выступают на местном стадионе за надежным «железным занавесом». (Впрочем, такое сравнение не совсем верно — в данном случае хищники и их возможные жертвы поменялись местами).

Но — только «милицейскими мерами футбол не защитить.

Это как в геометрии — необходимое, но не достаточное условие спокойствия на стадионах. Необходимо еще и другое.

…Поздняя осень 86-го. Футболисты «Крыльев Советов» играют решающий матч переходного турнира на забитом до отказа стадионе все той же Гянджи (тогда еще Кировабада). Двое самарцев — оператор видеомагнитофона и автор этих строк — случайно оказались на трибуне как раз рядом с наиболее горячими поклонниками местной команды. Такое соседство вполне могло кончиться для нас плачевно, а для «видика» — совсем плачевно. Если бы… Если бы неподалеку столь же отчаянно не переживали за своих, нет-нет, не милиционеры — артисты местного театра. Несколькими вескими словами эти уважаемые в городе мужчины очень быстро разрядили накалившуюся было обстановку, и даже трагический для хозяев поля исход матча не помешал нам уйти со стадиона живыми и здоровыми.

А вот рядом с футболистами «Кяпаза» в тот вечер не нашлось людей, к здравому слову которых можно было бы прислушаться. Раздраженные неудачей, игроки, вместе со своим вторым тренером, кстати, затеяли потасовку с победителями…

Нет-нет, делать из этого пространные выводы о «пользе воспитательной работы с игроками и болельщиками» — затея зряшная. Возможно, нам и не хватает добрых да разумных слов. Но безотказных рецептов пока все равно не сочинить. Ведь главный воспитатель — это сама жизнь. А она, увы, не становится лучше и добрее. Для спокойствия и безмятежности одна шестая часть суши действительно оборудована мало.

И выходит, что футбол еще долго будет оставаться на линии огня.

Спортивные журналисты не смогут обходиться без военных терминов.

Власть имущие продолжат свое беззастенчивое вторжение на футбольную территорию, давно переставшую считаться заповедной.

Дирижировать трибунами пока будут не только искусные форварды и непробиваемые вратари.

В некоторых городах футболистов-гостей нескоро начнут встречать по законам, принятым в цивилизованном обществе.

Что поделаешь — жизнь…

Но давайте попробуем несмотря ни на что не отвернуться от футбола! Не позволим всей этой накипи заслонить то светлое и радостное чувство, с которым каждый из нас когда-то впервые выбежал на зеленое поле или занял место на трибуне стадиона. Согласитесь, здесь мы проводим отнюдь не худшие часы жизни, а

футбольные разочарования, какими бы острыми они ни казались поначалу — не самое страшное…

Ох, нет, не надо напоследок этих увещеваний. Не хочу уподобляться уважаемому Анатолию Михайловичу Кашпировскому: все равно на счет «тридцать» вам не приснятся ни Марадона, ни Черенков, а на счет «сорок» вы не броситесь разыскивать свои старенькие кеды.

Давайте лучше простимся по-другому.

…Не так уж много авиарейсов между Баку и Ереваном состоялось трудной осенью девяносто первого. Но в одном из редких самолетов (а может, и вообще в единственном?), одолевшем этот рискованный маршрут, находились… футболисты. Тольяттинская «Лада» спешила на календарный матч с «Араратом»-2, но, поскольку в столице Армении в те дни было совсем туго с топливом, вазовский самолет дважды — по пути туда и обратно — пришлось заправлять в Баку. И ни в одном из аэропортов враждующих государств это не вызвало не только неприязни, но даже тени раздражения.

Футбольный «Як» без опаски пересек линию фронта — этот самолет был выше всех людских раздоров, и потому зенитчики не стремились поймать его в прорезь прицела. Даже на линии огня футбол остался ФУТБОЛОМ — великой игрой, несмотря ни на что покоряющей миллионы сердец и способной объединять их.

Спасибо, футбол! И прости…